

ЧАРЛЬЗ МОРРИС

**Арийская раса, ее
происхождение и достижения**

Чарльз Моррис

**Арийская раса, ее
происхождение и достижения**

«Издательские решения»

Моррис Ч.

Арийская раса, ее происхождение и достижения / Ч. Моррис —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-643641-1

Это давно и хорошо известная в Европе, но до сих пор практически неизвестная в России книга. Она была опубликована в 1888 году и оказала огромное влияние на многие мировые политические и экономические процессы последнего столетия.

ISBN 978-5-00-643641-1

© Моррис Ч.
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА	6
ПРЕДИСЛОВИЕ	8
I. ТИПЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА	10
II. РОДИНА АРИЕВ	23
III. ИСХОД АРИЙЦЕВ	33
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Арийская раса, ее происхождение и достижения

Чарльз Моррис

Переводчик Светлана Алексеевна Малимонова

© Чарльз Моррис, 2024

© Светлана Алексеевна Малимонова, перевод, 2024

ISBN 978-5-0064-3641-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Перед вами легендарная книга, которая со времени своего издания в 1888 году оказывала и оказывает огромное влияние на всю Западную Европу, особенно на ее объединение, и на весь Западный и Восточный мир, но которая до сих пор так и не была переведена на русский язык по разным причинам. Сначала, видимо, из-за довольно неприятных порой высказываний автора о русских и славянах в целом, которых, тем не менее, автор также считает одной из ветвей арийской расы, затем из-за самого имени ариец, которое ради спекуляции патриотическими чувствами немцев и получения власти в Германии присвоил себе и использовал в своих гнусных целях завоевания мира Адольф Гитлер и его компания.

В течение длительного времени после Второй мировой войны в мире и, особенно в России слово ариец было едва ли не ругательным. Оно ассоциировалось с безнравственностью, нацизмом и фашизмом, с самыми чудовищными проявлениями натуры человека.

Однако, правильно ли это?

Если кто-либо, как Гитлер, по-обезьяньи и незаслуженно присвоил себе имя арийца, это не значит, что мы должны отвергнуть историю великих именно с точки зрения нравственности религий и цивилизаций, великих династий царей Индии, Ирана и других стран и империй, которые по всему миру были созданы именно мигрировавшими ариями.

Кто же на самом деле «истинные арийцы»? Это великие мудрецы, священные цари и воины, и просто высокодуховные люди Арьяварты (Индия), Арьяна Ваэджи (Иран), а также, Греции, Рима, России, Европы в целом и т. д.

Перед вами книга, которую ныне необходимо прочитать, чтобы отстраниться от внушаемого нам в течение многих десятилетий незаслуженного негативизма и отвращения к арийцам и приблизиться к реальности, понять историческую правду, а также научиться самостоятельно, без давления СМИ, разбираться в происходящих в мире событиях.

Хочется заметить, что в английском языке слова народ и раса очень близки и часто используются как синонимы, поэтому при чтении перевода на данную тему всегда необходимо это учитывать.

Можно считать, что исследование происхождения и истории ариев началось только в XIX веке. Возможно, эти исследования не всегда совершенны, но автор опирается именно на их результаты этих исследований. Он не знает места и времени происхождения ариев, не знает, где была их родина, говорит, что возможно, этого никогда не удастся узнать, высказывая также мнение, что прародиной ариев являлся Кавказ. Однако ныне появились и другие исследования, другие точки зрения, одну из которых, например, проанализировав «Веды» и «Авесту», в книге «Арктическая родина в «Ведах» высказывает индийский исследователь Бал Галгандхар Тилак. На северное происхождение гипербореев, указывают и некоторые греческие философы: Геродот, Гесиод («Эпигоны»), Гомер («Дионис и разбойники»), Пиндар, Алкман, Гекатей Абдерский, Аполлоний Родосский, и др., называя Гиперборею «благословенной страной», где живет «счастливый святой народ»; с Гипербореей также связан культ Аполлона. Арийская тема разрабатывалась в трудах А. Ф. Лосева, Б. А. Рыбакова, В. В. Латышева, В. Томашека, Ф. Якоби и многих других ученых.

В книге много абсолютно противоречивых утверждений. Например, почему-то автор считает, что арийцы обязательно должны иметь воинственный характер. Просто удивительно, автор считает, что славяне России в результате смешивания с другими народами «утратили свой отличительный арийский характер», однако, в противоположность этому, также замечает, что наиболее сильному смешиванию с коренным населением подверглись не славяне, а именно арийцы, мигрировавшие в Европу, особенно кельты, французы и немцы. Также в другом месте он говорит: «Язык указывает на то, что славяне были наименее подвержены чужеродному влия-

янию и ближе всего к древним арийцам и их вероятным монгольским предкам, чем любая другая часть расы».

Древних арийцев автор описывает как варваров. Но могли ли они быть варварами, если в Индию, Иран, Грецию и т. д. именно они принесли неизвестную ныне в полном объеме великую культуру и религию, ввели в обиход великие нравственные идеи, которых мы придерживаемся до сих пор? Это не варвары. Скорее это люди великой культуры, земли которых были уничтожены, из-за чего они и вынуждены были мигрировать.

Автор мало обращает внимания на восточных арийцев, как он их называет, не отмечает величие их культуры, о которой во время написания книги было еще мало известно, он опирается, в основном, на европейцев. Нельзя также согласиться с изложенным автором мнением, что религия древних арийцев была исключительно индивидуальной, что у них практически полностью отсутствовали общественные религиозные институты.

И наконец, книга имеет еще один недостаток. Она не осталась свободной от идеологических влияний своего времени: атеистических, коммунистических, масонских, включающих представления о религиях, государстве и т.п., которые особенно заметны в самом конце книги. И все это следует учитывать при чтении, т.к. смысл идеи и произведения в целом этим серьезно искажается.

Книга, наконец, перед вами, и вы можете самостоятельно отделить «зерна от плевел» и составить о ней независимое от агрессивно распространяемой идеологии мнение.

Дополнительно к примечаниям автора в тексте книги добавлены примечания переводчика со значком t.

Все ссылки в книге даны на издание: Morris C. The Aryan race, its origin and its achievements. Chicago, 1888.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

Малимонова С.А

ПРЕДИСЛОВИЕ

Наша цель – кратко обрисовать историю арийской расы, этой великой и благородной семьи человечества, сыгравшей столь яркую роль на сцене мира, найти ее древнюю родину, проследить за развитием ее верований и институтов, проследить за ее миграциями, рассмотреть черты ее интеллектуального превосходства и проследить шаги, благодаря которым она заняла свое нынешнее высокое положение среди рас человечества. История этих людей, несмотря на огромный интерес, которым они окружены, остается ненаписанной в полном смысле этого слова. Существует множество книг, посвященных им; одни посвящены их языкам, другие – мифологии, фольклору, сельским общинам или каким-то другим аспектам их многогранной истории; но ни одна из этих книг не содержит общего подхода к этой теме, и тот, кто хочет узнать, что известно об этом интересном народе, должен мучительно перелопатить десятки томов, чтобы получить желаемую информацию.

До недавнего времени фактическое существование такой расы не было четко осознано. Еще столетие назад ничто не указывало на то, что почти все народы Европы и самые выдающиеся из тех народов, которые живут в южной Азии, являются двоюродными братьями, происходящими от одного предка, который в недалеком прошлом обитал на ограниченной территории в каком-то еще неизвестном регионе. За последние годы многое стало известно об условиях и образе жизни этого народа на его исконной родине, а также о его миграциях до того момента, когда он попал в поле зрения письменной истории. С этого момента стала очевидна чрезвычайно важная роль, которую арийцы сыграли в истории человечества, и нет более интересного исследования, чем проследить путь взросления этого гиганта от дней его детства до нынешнего внушительного роста.

Наши знания о жизни древних арийцев основаны не только на исследованиях в области филологии. Предмет расширился по мере развития исследований, и теперь охватывает вопросы этнологии, археологии, мифологии, литературы, социальной и политической древности, а также все другие отрасли науки, которые имеют непосредственное отношение к развитию человечества. Благодаря исследованиям в этих направлениях было накоплено достаточно знаний, чтобы сделать желательным общее рассмотрение предмета и попытку представить в целом историю этой могущественной расы, чья история пока известна миру лишь в виде отдельных фрагментов. Настоящая работа, однако, претендует на роль не более чем предварительного рассмотрения этой обширной темы, краткого популярного изложения, которое может послужить для заполнения пробела в области литературы и удовлетворения любопытства читающего мира до тех пор, пока кто-нибудь более способный не ухватится за эту тему и не рассмотрит ее более подробно, исчерпывающим образом.

В действительности, любая попытка рассказать историю арийской расы, даже в общих чертах, в недавнюю эпоху человечества была бы равносильна попытке написать историю цивилизации, что далеко от нашей цели. Но при сравнении интеллектуальных условий и достижений нескольких рас человечества, а также при рассмотрении эволюции человеческих институтов и направлений мысли и деятельности, мы имеем дело с областью исследований, которая никоим образом не исчерпана, и с которой большинство читателей очень мало знакомы. Поэтому наша работа будет в значительной степени носить сравнительный характер, в ней будут рассмотрены характеристики и условия жизни разных ведущих рас человечества и проведено сравнение их с арийской с целью не только ясно показать общее превосходство последней, но и указать на естественные этапы эволюции, благодаря которым она вышла из первобытной дикости достигла своего нынешнего интеллектуального верховенства и продвинутой стадии просвещения.

Что касается источников информации, которая изложена на последующих страницах, то мы скажем лишь, что все утверждения, касающиеся вопросов, связанных с фактами, были взяты у заслуживающих доверия авторов, многие из которых цитируются в тексте, хотя мы не сочли нужным перегружать страницы ссылками на источники.

Что касается выдвинутых теоретических взглядов, то они, как правило, принадлежат авторам и должны быть обоснованы или опровергнуты в соответствии с их достоинствами. Наконец, мы надеемся, что эта работа может оказаться интересной и ценной для тех, кто просто желает получить общие знания о предмете, и в какой-то мере послужит руководством для тех более ревностных исследователей, которые предпочтут продолжать изучение темы, консультируясь с оригинальными источниками.

I. ТИПЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Где-то – никто не может сказать, где именно, в какое-то время – точно также невозможно сказать, когда именно, в Европе или Азии обитало самое замечательное племя или семья человечества. Где и когда это было, мы никогда точно не узнаем. Ни одна история не упоминает их имен и не дает намека на их существование; ни одна легенда или предание не дошли до нас из того исчезнувшего царства жизни. Не осталось ни одного памятника, который мы могли бы назвать возведенным руками этого народа; даже могила какого-либо из его членов не может быть найдена. Уже тогда существовали процветающие цивилизации; Египет и Китай были очагами оживленной жизни и активной мысли. Но, ни один пророк из этих народов не увидел на небе облако размером с человеческую руку, облако, которому суждено было расти до тех пор, пока его могучая тень не покроет все лицо земли. Пока же отцы арийской расы обитали в неосмысленном варварстве, жили своей простой жизнью и обдумывали свои простые мысли, не более важные, чем у сотен других древних племен, и, несомненно, не мечтали о той великой роли, которую им еще предстояло сыграть в драме человеческой истории.

И все же, как ни странно, этот доисторический и долегандарный народ, этот мертвый отпрыск мертвого прошлого, был поднят из могилы и предстал перед глазами человечества в своем древнем облике, хотя мы не знаем его историю так же достоверно, как и историю многих народов, еще живущих на земле. Мы можем не знать времени и места его существования, битв, которые он вел, героев, которых он чтит, песен, которые он пел. Но нам известны слова, которые он произносил, боги, которым он поклонялся, законы, которые он принимал. Мы знаем тип его хозяйства и собственности, его семейные и политические отношения, его религиозные идеи и условия его интеллектуального развития, его расовые характеристики и многие подробности его великих миграций после того, как из-за его растущей численности, он вышел за пределы дома своих предков и отправился завоевывать новые земли.

То, как мы узнали все это, составляет одну из самых интересных глав в современной науке. Реальность наших знаний не подлежит сомнению. Ни одна история не заслуживает такого доверия. В любую письменную историю вкрадываются бесчисленные ошибки, но та бессознательная история, которая сохранилась в языках и институтах человечества, является, насколько это возможно, неоспоримо подлинной. Это не совсем история в обычном понимании этого слова. Она не дает нам ни одной из внешних и индивидуальных деталей истории жизни народа, подвигов воинов и тираний правителей, завоеваний, восстаний и классовой борьбы, имен и систем жрецов и законоучителей, с которыми обычно имеют дело историки и которые они вплетают в паутину неразрывно перемешанных правды и лжи. Здесь мы имеем дело с каменным основанием истории, прочным фундаментом, на котором строится ее внешнее здание. Мы ничего не знаем о деяниях этой древней расы. Мы ничего не знаем о численности ее населения, местоположении и протяженности занимаемой ею территории, о периоде ее раннего развития. Но мы знаем многое о ее глубинной истории – той истории, которая глубоко проникла в язык, обычаи, верования и институты ее современных потомков, и которая повсюду прорастает сквозь почву современной европейской цивилизации, подобно тому, как гранитные основания пластов земли пробиваются сквозь поверхностные слои, и обнажают условия жизни далекого прошлого.

Такая зарождающаяся история народа, вполне возможно, не представляет интереса. В ней нет ничего драматического, ничего, что могло бы поразить воображение, нет тех личных деталей или волнующих происшествий, которые так сильно привлекают внимание читателей; нет ничего, что могло бы пробудить чувства или подогреть страсти и эмоции человека. В ней нет того вечно притягательного интереса к индивидуальной человеческой жизни, – надежд и страхов, радостей и печалей, высказываний и поступков людей, великих и малых, которые

придают сплетням истории привлекательность лишь на градус ниже той, что присуща роману, созданному воображением. На нашу работу мы не можем набросить ничего из этого очарования индивидуализма. Нам приходится иметь дело с человеком в массе и относиться к истории как к философии, а не как к роману. Мы ограничены описанием того, что он сделал, а не того, как он это сделал, и подробным описанием результатов, а не процесса. И все же история в современную эпоху стремительно входит в эту философскую стадию. На протяжении многих веков она была ограничена романтикой индивидуальной жизни. Теперь она переходит к философии существования, научному изучению развития человечества. Короли и придворные слишком долго принижали народ. Но статус народа растет, а правителей и героев – уменьшается, в то время как растущий интерес к истории всего человечества сменяет интерес к жизни отдельных людей. Это дает нам некоторые основания для того, чтобы решиться описать историю расы, о древней жизни которой мы знаем лишь в общих чертах, и мы не можем назвать ни имени хотя бы одного из ее героев, ни места хотя бы одного из его подвигов, ни даже региона земли, который она занимала. Однако эта раса настолько важна, а ее последующая история была столь грандиозной и захватывающей, что рассказ о том, что известно о ее древней жизни, вряд ли может не найти заинтересованной аудитории, особенно если вспомнить, что мы имеем дело с нашими собственными предками и прослеживаем происхождение наших собственных обычаев и институтов.

В этом исследовании необходимо начать с рассмотрения претензий арийцев на звание «расы». Какое место они занимают в категории человеческих рас, и каковы были этапы их происхождения и развития от древнего человека? Прежде чем приступить к изучению их истории как отдельной группы, мы должны определить их местоположение как членов обширной семьи человечества. Мы говорили о них несколько неопределенно, как о расе, семье или племени. Действительно, они не могут по праву носить титул расы, пока мы не узнаем более подробно, в чем состоит расовый признак и каковы их претензии на обладание им. В этом отношении у этнологов так много различных идей, что вопрос о количестве и границах человеческих рас еще далеко не решен. Поэтому мы можем лишь вкратце описать некоторые из последних взглядов на эту тему. Изучение рас, в действительности, проводилось по двум совершенно разным направлениям исследований. Первое и наиболее фундаментальное из них – физические характеристики; второе – лингвистические особенности. Последнее, основанное на радикальном разнообразии человеческих языков, несомненно, свидетельствует о более позднем разделении человечества. В значительной степени оно следует линиям физической вариации. Раса редко пересекает эти линии в какой-либо значительной степени, хотя и разделяет некоторые из широких физических подразделений на более мелкие расы. Арийцы – одна из таких лингвистических рас. Это не настоящая раса в широком смысле слова, так как в нынешнем виде она включает в себя части двух физических групп, которые так тесно переплелись, что чистые типы любой из них являются чем-то исключительным и встречаются в сколько-нибудь значительном количестве только на противоположных границах этих групп.

Первоначальное разделение человечества на расы произошло задолго до появления современных языковых групп и было обусловлено исключительно физическими факторами. Ментальные линии разделения, на которые указывает язык, появились гораздо позже. Физические расы были по-разному классифицированы этнологами, одна из последних схем принадлежит профессору Хаксли, который выделяет четыре основных типа человека: монголоидный, негроидный, австралоидный и ксантохроидный; к ним он добавляет пятую разновидность – меланохроидную¹. Только с двумя последними из них мы непосредственно имеем здесь дело, поскольку именно они входят в состав арийской расы. Совсем недавно профессор Флауэр в общих чертах описал систему классификации людей, которая, по его мнению, в наиболь-

¹ «Journal of the Ethnological Society» («Журнал Этнологического общества»), II. 404 (1870).

шей степени соответствует современному уровню наших знаний по этому вопросу². Он считает, что существуют три крайних типа, названные Блюменбахом эфиопом, монголом и европеоидом, вокруг которых можно расположить всех существующих особей человеческого рода, но между которыми можно найти все возможные промежуточные формы. Из них эфиопская группа делится на африканских негров, готтентотов и бушменов, океанических негров или меланезийцев, а также негроидов, представленных жителями Андаманских и других островов Тихого океана. Австралийцев, которых Хаксли считает отдельной расой, он считает смешанным народом, поскольку они сочетают в себе негритянский тип лица и скелета с волосами другого типа. Его вторая раса, монгольская, представлена в преувеличенной форме эскимосами, в типичном состоянии – большинством коренных жителей северной и восточной Азии, а в измененном – малайцами. За исключением эскимосов, жители Америки образуют одну группу, наиболее близкую к монголам, но имеющую столько особенностей, что ее можно рассматривать как четвертое первичное подразделение. Его третья, или европеоидная, раса включает две подрасы – ксантохроическую и меланохроическую по Хаксли. Местом обитания этой расы являются Европа, северная Африка и юго-западная Азия; по языковому признаку она делится на арийцев, семитов и хамитов.

Несколько современных авторов склонны принять вывод, близкий к выводу профессора Флауэра, и разделить человечество на три типичные расы: негритянскую, монгольскую и европеоидную или средиземноморскую, рассматривая все остальные расы как производные от этих, например, американскую и малайскую – от монгольской, или как сочетания рас, например, австралийцев – как сочетание монголов и негров. Топинард³ заходит так далеко, что делит человека на три отдельных вида. Первый из них – монголоид, отличающийся брахицефалией, или коротким черепом, низким ростом, желтоватой кожей, широким, плоским лицом, косыми глазами, сжатыми веками, безбородым лицом, редкими волосами, грубыми и круглыми в сечении. Второй – европеоид, с умеренно долихоцефальным, или длинным, черепом, высоким ростом, светлым, узким лицом, выступающим вперед по средней линии, обильными светлого цвета бородой и волосами, мягкими, несколько эллиптическими в сечении. Третий вид – негроид, с черепом сильно долихоцефальным, черным цветом лица, плоскими и свернутыми в спирали волосами, прогнатическим лицом, и с несколькими особенностями телесного строения, которые нет необходимости здесь называть.

Мы не ставим перед собой цель высказать какое-либо мнение по поводу этой теории специфических различий в человечестве, однако, мы хотим сказать, что если такие различия и существуют, то они, вероятно, ограничены негритянским и монгольским фондами. Есть веские причины исключить из этой категории европеоидов.

Следует признать, что негры и монголы отличаются друг от друга по строению в достаточной степени, чтобы заметить такие же специфические различия и у животных⁴. Их ментальные различия столь же заметны. Но эти различия, возможно, имеют другое происхождение. Негр – это, по сути, человек юга, развитый выходец из африканских или австралийских

² Выступление перед Антропологическим институтом, 27 января, 1887.

³ «Anthropology» («Антропология»), с. 510.

⁴ Агассис отмечает следующие заметные различия в физическом строении между неграми и индейцами Бразилии, – последние, по всей вероятности, изначально принадлежали к монголоидной расе. Его выводы основаны на сравнении большого количества фотографий этих двух рас. Негры, в целом, стройные, с длинными ногами и руками и сравнительно коротким телом; в то время как у индейцев короткие руки и ноги, длинные тела, они довольно тяжелые и квадратные по телосложению. Он сравнивает первых со стройными, активными гиббонами, а вторых – с медлительными, неактивными, крепкими орангутангами. Еще одним поразительным отличием является короткая шея и большая ширина плеч у индейцев по сравнению с узкой грудью и плечами негров. Это различие существует как у женщин, так и у мужчин. Ноги индейца удивительно прямые; ноги негра привычно согнуты, как в тазобедренном, так и в коленном суставах. У индейцев лопатки короткие и разделены широким промежутком, у негров они длинные, с небольшим промежутком между ними. Есть и другие различия в строении, столь же заметные; но вышеперечисленного достаточно, чтобы показать сильное расовое различие. См. «A Journey in Brazil», «Путешествие по Бразилии», с. 529—32.

тропиков. Монгол – человек Севера, его родина – прохладные плоскогорья северной Азии. Возникли ли эти две расы с их специфическими различиями как отдельные виды в далеко расположенных друг от друга местностях и распространялись из этих центров расселения, пока не встретились и тесно не смешались на их границах, или же они свидетельствуют о каком-то очень раннем разделении единого человеческого вида на две части и изменении под влиянием разных климатов – это вопросы, на которые наука пока не готова ответить. Но неоспоримо, что их ярко выраженные и устойчивые физические характеристики являются результатом очень долгого периода раздельного развития. Если существовал единый древний тип человека, то эти два его основных подразделения должны были долгое время находиться в очень разных климатических и жизненных условиях; и его разделение должно было произойти в очень раннюю эпоху человеческого существования, возможно, как предполагает профессор Уоллес⁵, в ту первобытную эпоху, когда люди были еще слишком мало разумны, чтобы противостоять влияниям природы, и были гораздо более восприимчивы к действию естественного отбора, чем в более позднюю эпоху, когда появилось оружие, одежда и жилища. Если мы теперь перейдем к рассмотрению европеоидной расы, то нам придется иметь дело с рядом фактов, заметно отличающихся от тех, которые относятся к двум другим названным расам.

В лице европеоидов мы, конечно, имеем не примитивный и однородный тип человека, а расу разнообразного смешения и гораздо более позднего происхождения, а потому не обязательно отдельный тип человека, а производное от примитивного человека.

В поддержку этой точки зрения можно привести несколько убедительных аргументов. Начало исторической эпохи представляет три вышеуказанные расы в совершенно иных отношениях по сравнению с теми, которые существуют сейчас. В самый ранний период, к которому мы можем их отнести, монголы и негры с их подтипами и гибридными расами поделили между собой большую часть Земли. Для европеоидов практически не осталось места. Большая часть Африки и многие острова Тихого океана были заселены негроидной расой. Другие острова, вся Америка и почти вся Азия были заселены народами монголоидного типа. Что касается Европы, то последние исследования дали нам очень интересную информацию о ее ранних обитателях. Есть основания полагать, что ее последовательно занимали представители трех основных человеческих рас и что общее заселение ее европеоидами не выходит за рамки исторической эпохи.

Череп – самый верный определитель человеческих рас, и древние черепа, найденные современным человеком в Европе, многое говорят нам о его ранних этнологических условиях. Самые древние из этих черепов принадлежат длинноголовой, сильно прогнатической расе, с характеристиками более низкого типа, чем те, которые можно найти у современного человека. Эта раса, которую называют четвероногие канштадтцы [неандертальцы], включает в себя знаменитый череп неандертальца с его звериными чертами. Другие черепа, по-видимому, более позднего времени, относятся к так называемой кроманьонской расе. Они также являются долихоцефальными и прогнатическими и относятся к негроидному больше, чем к любому другому из существующих типов. Не исключено, что модифицированная ветвь негроидной расы была распространена в Западной Европе в этот ранний период.

Еще позже появляются черепа людей с совершенно иными расовыми характеристиками. Они варьируются от средней до короткой головы, а сопровождающие их скелеты имеют низкий рост и несут определенные следы родства с современными саамами. Вероятно, длинноголовая и, возможно, негроидная раса была оттеснена монголоидной миграцией, которая в эпоху неолита получила широкое распространение. По-видимому, существует два типа людей, из которых люди со средним черепом могут быть в какой-то степени результатом скрещивания длинноголовых аборигенов и вторгшейся короткоголовой расы. Этот «неолитический» тип,

⁵ «Contributions to the Theory of Natural Selection» («Вклад в теорию естественного отбора»), с. 319.

вероятно, сохранил остатки своего языка в виде баскского диалекта, на котором говорят пол-миллиона человек, проживающих в Бискайском регионе Франции и Испании; это реликтов народа, который когда-то, возможно, населял большую часть Европы. Хотя язык неолитического человека почти исчез, его расовые черты все еще сохраняются; черепа и тела из древних гробниц, по-видимому, воспроизводят физические черты многих современных жителей тех же регионов. Древняя раса упорно противостоит более позднему вливанию арийской крови.

Таким образом, в процессе развития тех двух первоначальных рас, которые мы склонны рассматривать как монголоидную и негроидную, первая, по-видимому, была гораздо более энергичной. Она не только заняла континенты Азии, Европы и Америки, но и проложила себе путь в северную Африку и на острова Тихого океана, создав на линии разграничения первоначальных рас тип человека с промежуточными характеристиками. Хотя монголоидный человек менее плодovit, чем негроидный, его большая неутомимость и дух предприимчивости, по-видимому, позволили ему в отдаленный период завладеть большей частью земли за пределами Африки и азиатских островов. В этом взгляде на доисторического человека не видно четко очерченных следов европеоидной расы, чья территория в ту эпоху, несомненно, была очень ограничена по сравнению с монголоидами и негроидами. И все же на самом раннем этапе, к которому мы можем их отнести, европеоиды проявляли те качества, которыми они обладают до сих пор, – превосходный интеллект, предприимчивость и миграционную активность. Когда мы впервые смотрим на расу, – или, скорее, на ее ксантохроидную часть, – она повсюду распространяется и разрастается, прокладывая себе путь на Восток и Запад с неудержимой энергией. Перед ее энергичной экспансией аборигены исчезают или поглощаются. На европейском континенте от них не осталось никаких следов, за исключением басков, оттесненных в горный угол Испании, а также финнов и саамов, вытесненных в арктические районы Севера.

Аналогичная судьба была у них и в Южной Азии. На протяжении всей исторической эпохи этот миграционный дух оставался активным. Отдельные ветви арийцев и арийцы в целом настойчиво стремились расширить свои границы. Они и сейчас делают это со всей прежней энергией, вбивая клин вторжения все глубже в область монголоидной и негроидной жизни, пока европеоиды сегодняшнего дня не составят треть всего человечества⁶ и не будут справедливо претендовать на то, чтобы через много веков свести другие расы к фрагментам, как басков или североамериканских индейцев сегодняшнего дня.

Исходя из этих фактов, мы, безусловно, имеем некоторые основания заключить, что европеоид не является примитивной человеческой расой, а представляет собой своеобразное и высокоодаренное производное от предшествующих рас. В противном случае мы не нашли бы его в начале подлинной истории почти затерянным в море более грубой жизни, и его превосходные качества проявились бы в гораздо более отдаленную эпоху, негритянская и монгольская экспансия были остановлены давным-давно, и история началась бы с того, что европеоид стал доминирующей расой человечества. Общеизвестно, что от примитивных типов ответвилось множество подрас, отличающихся ментальными и физическими особенностями, как, например, американская от монгольской. Европеоид, возможно, является дивергентным примером этих подтипов, или, скорее, как мы можем судить по некоторым весьма существенным признакам, смесью двух подтипов, происходящих от двух предыдущих рас.

Из двух подрас, составляющих европеоидную часть человечества, ксантохрои, или белокожие, в настоящее время наиболее часто встречаются на севере Европы, главным образом в Дании, Скандинавии и Исландии. Меланохрои, или темные белые, имеют свой типичный регион в северной Африке и юго-западной Азии. Между этими регионами существует тесная смесь двух типов, встречаются бесконечные промежуточные классы; хотя, как правило,

⁶ Около 420 000 000. Не более двух столетий назад их численность составляла не более одной десятой части населения Земли.

ксантохрония становится более выраженной по мере продвижения на север, а меланохрония – по мере продвижения на юг.

Смешанная раса описывается Пешелем⁷ в следующих терминах: форма черепа европеоидов является промежуточной между коротким черепом монголоидов и длинным черепом негроидов. Выступающие скулы и прогнатизм, или выступание нижней челюсти, характерные для других рас, очень редки у европеоидной, или средиземноморской, расы, как он ее называет. Цвет кожи различается. Светлые волосы, голубые глаза и румяное лицо очень часто встречаются среди северных европейцев. Такими были и галльские кельты, описанные в древней истории, хотя это не так у современных французов, у которых преобладает более темный оттенок кожи. Кожа обычно темнее у южных европейцев, в Африке и Аравии она становится желтой, красноватой или коричневой, а волосы и глаза – темными или черными. Волосы средиземноморцев не такие длинные и не такие круглые в сечении, как у монголов; они не такие короткие и не такие эллиптические в сечении, как у негров. Как правило, они вьются, занимая в этом отношении промежуточное положение между двумя другими расами. Волосы более густые, чем у других рас, и есть борода, тем более что монголы и американцы почти безбородые. Нос – хорошо заметная черта, его высокая переносица и узкая форма отличают его от широкого и плоского носа негров и монголов. Губы обычно тонкие и никогда не выглядят припухшими, как у негров. В целом черты лица этой расы более утонченные, чем у других рас, а форма их более симметрична.

Европеоиды, как правило, занимают промежуточное положение между двумя другими расами. Лицо негра, если смотреть в профиль, сужается от подбородка ко лбу; у европеоидов оно вертикальное. Монгольское лицо вертикальное или выступающее в профиль, но при виде спереди имеет треугольные очертания, широкое у основания и суженное ко лбу; у европеоидов очертания лица овальные. Плоская срединная линия негра и монгола заменяется выступающим контуром у европеоида, главным образом из-за приподнятости и узости носа и недостаточного расширения скуловых костей.

По этим признакам две подрасы европеоидов несколько сближаются, их основное различие заключается в цвете кожи, хотя есть и заметные различия во внешнем виде. Ксантохроичный, или белокурый, тип отличается голубыми или серыми глазами, волосами от соломенного до каштанового цвета, и розовым цветом лица, которое под воздействием солнца становится кирпично-красным или покрывается веснушками. По внешнему виду эта раса высокая и крепкая, квадратного телосложения, хотя иногда и худощавая, с довольно массивными конечностями, более квадратным черепом и более грубыми чертами лица, чем у меланохроидной расы.

Последняя раса отличается кожей коричневатого или оливкового оттенка, которая быстро чернеет при воздействии солнца, иногда очень сильно; возможно, она наследует тенденцию к возвращению к типичному негритянскому цвету лица. Цвет волос и глаз черный, а рост ниже, чем у ксантохроев. Фигура их очень симметрична по своим пропорциям, череп округло-куполообразный, а черты лица более тонкие, чем у белокурых. Эти два типа, как мы уже говорили, тесно смешались, так что между ними существуют все оттенки градации. Тем не менее, появляется множество примеров типичного строения, и расовые признаки кажутся очень устойчивыми.

Белокурая раса в наиболее чистом виде представлена в Исландии, Скандинавии и Дании, а затем в Голландии, северной Германии, Саксонии, Бельгии и на Британских островах. Но она встречается и по всему ареалу обитания европеоидов. На Дальнем Востоке, несмотря на то, что в целом там преобладает смуглый тип, часто встречается и белокурый тип. Он распространен среди персов и афганцев, в то время как аристократы племени сиях-пош из Кафиристана отличаются светлой кожей, голубыми глазами и каштановыми волосами. Он существует также

⁷ «The Races of Man» («Расы людей»), с. 481.

в Северной Африке, и на египетском памятнике двенадцатой династии изображен мужчина с белой кожей, светлыми волосами и голубыми глазами. Тем не менее, в этом южном регионе преобладает темный тип, и он, в свою очередь, распространился далеко на север, хотя и реже встречается по мере приближения к более холодным регионам.

Естественный вывод из этих фактов состоит в том, что белокурый тип расселен на севере и востоке, по соседству с монголоидами, а темноволосый тип – на юге, по соседству с негроидной расой. Тенденция к распространению, которую эти типы людей проявляли на протяжении всей [известной] исторической эпохи, существовала, должно быть, с самого их возникновения, если судить по очень сильному смешению их, которое было настолько велико, что осталось сравнительно мало чистых представителей того или иного типа. Такого полного смешения не наблюдается у монгольской и негритянской рас нигде, за исключением узкой пограничной области. Это указывает на гораздо менее энергичный врожденный миграционный дух последней, чем у европеоидов, и является дополнительным аргументом для доказательства недавнего происхождения европеоидной расы; поскольку, если бы она имела давнее происхождение, она не могла бы ограничиваться тем узким регионом, в котором мы находим ее в начале известного нам исторического периода.

Каково же происхождение двух европеоидных подрас?

В ответ на этот вопрос мы можем высказать точку зрения, предложенную г-ном Дж. У. Джексоном⁸, который выдвигает теорию, согласно которой семиты (или, как мы предпочитаем считать, все меланохрои) на самом деле являются производным от негроидной расы; а арийцы (вернее, ксантохрои) является производным от монголоидной расы. Он основывает эту теорию на психических характеристиках; но ему следовало бы принять во внимание также физические особенности рас. Если мы посмотрим на меланохроев, или темных белых, то увидим их самых чистых представителей на крайнем юге, на непосредственной северной границе негроидной расы. И здесь они демонстрируют существенные черты сходства с негроидным типом. Многие берберы региона Сахары внешне напоминают негров, хотя некоторые племена имеют светло-оливковую кожу, прямые носы и тонкие губы. О древнеегипетском типе нам рассказывают, что у них были «толстые губы, полные и выступающие; рты большие, но веселые и улыбающиеся; цвет лица темный, розовый и медный; и все это демонстрирует, как заметил один из самых ярких описателей среди современных путешественников, подлинный африканский тип, преувеличенным и крайним отображением которого является негр»⁹. Арабы имеют схожие черты. У некоторых арабских племен Средней пустыни жесткие волосы, по структуре приближающиеся к негритянским. По телесным и умственным качествам южные арабы чистой крови приближаются к негроидному типу¹⁰, а по цвету кожи они могут быть угольно-черными, как в случае с арабами Sheguya в Африке. С другой стороны, в северных и более горных регионах цвет лица арабов такой же светлый, как у европейцев¹¹. Кватрефаж рассматривает эту расу как ту, которая эволюционировала на один шаг дальше «остановленной» негритянской стадии¹².

Племена людей, тесно связанные с меланохроями, хотя и с более сильным привнесением негритянского элемента, расселены гораздо дальше к югу Африки. Помимо меланохроичных абиссинцев и галлов, можно упомянуть более негроидных нубийцев, с черной кожей, но чертами лица промежуточного типа между белой и черной расами. Но самым значительным из центральноафриканских народов являются фулахи – энергичное и воинственное племя,

⁸ «Aryan and Semite, Anthropological Review» («Арийцы и семиты, Антропологический обзор»), VII. 333.

⁹ Denon, «Voyage en Egypte» (Денон «Путешествие в Египет»).

¹⁰ Пэлгрейв, статья «Аравия», Британская энциклопедия (девятое издание).

¹¹ Pritchard, «Natural History of Man» (Причард, «Естественная история человека»), с. 150.

¹² «The Human Species» («Человеческие виды»), с. 351.

заметно отличающееся от негров, в чьи владения они неуклонно вторгаются. Этот народ сильно изменился в результате скрещивания с неграми и арабами, но, по-видимому, изначально принадлежал к меланохроическому типу.

Доктор Ленц в своей недавней работе о Тимбукту говорит, что они явно не негритянского типа. Чистые представители фулахов отличаются от негров почти по всем расовым признакам – черепной коробке, цвету лица, структуре волос, фигуре, пропорциям конечностей, а также по умственным качествам. Он был поражен их удивительным сходством с европейцами и описывает чистокровных фулахов как людей со светлым цветом лица, слегка изогнутым носом, прямым лбом, огненным взглядом, длинными черными волосами, стройными конечностями, рослой, стройной фигурой и высоким интеллектом.

На самом деле меланохрои, судя по их раннему широкому распространению, представляют собой гораздо более древнюю расу, чем ксантохрои. Они встречаются по всей северной Африке, до линии, проведенной значительно южнее Сахары, широко распространены по всей южной Азии, от семитских областей до Индии, где они придают основные физические признаки индусским арийцам, они есть повсюду в южной Европе, где их тип значительно преобладает над типом блондинов, и в меньшей степени они преобладают в центральной Европе, где они существенно изменили первоначальный тип кельтских и германских арийцев.

Если мы примем представленные здесь свидетельства о явно ограниченном распространением светловолосого типа человека в недавний доисторический период, мы придем к теории, что Восточное полушарие в более отдаленный период было разделено между тремя расами человечества – монголоидной в умеренном и холодном поясах, негроидной в тропиках и меланохроидной, занимающей широкий промежуточный пояс, простирающийся через весь континент от Атлантики до границ далекой Индии. Интересно заметить, что эта зона, занятая меланохроичным человеком, является местом разграничения древних монголоидной и негроидной рас. Здесь они должны были встретиться и смешаться, и здесь, вероятно, возникла гибридная производная двух рас, – промежуточный тип человека с преобладанием негритянского элемента, если судить по существующим признакам. Именно в Европе мы находим свидетельства такого смешения длинноголовых и короткоголовых аборигенных рас, в результате которого возник тип с черепом средней длины – неолитический человек Западной Европы. Более подробное исследование может дать аналогичные свидетельства по всей демаркационной зоне. Мы можем представить себе первоначальное негроидное население в этой зоне, миграцию на юг более предприимчивых монголов и длительное смешение этих двух рас с несколько глубокой модификацией их физических характеристик, в результате чего появился новый тип человека, меланохроический, в котором значительно больше негритянской, чем монгольской крови, но при этом он существенно отличается по характеру от обоих родительских типов.

Если теперь мы перейдем к рассмотрению происхождения светловолосого типа человека, то обнаружим, что оказались в почти исторических временах. Широкое распространение этого типа в начале исторической эпохи можно проследить, почти шаг за шагом, до его первоначального центрального региона, вероятно, небольшого по размерам, хотя и неизвестного. Мы располагаем свидетельствами египетских памятников о первом появлении светловолосого человека в этом регионе. О типе, встречающемся на севере Африки, в Тунисе и Марокко, среди берберов Сахары и на Канарских островах, Топинард замечает: «Он происходит от народа тамаху, который около 1500 года до нашей эры появился на границе Египта, придя с севера... Блондины, которых мы встречаем на территории басков и у Гибралтарского пролива в Испании, вероятно, являются их потомками»¹³. В Европе и Азии передвижения светловолосой расы происходили непосредственно перед началом исторической эпохи; и, хотя центр ее расселения точно не известен, почти каждый шаг ее миграции был прослежен. В каждом регионе, куда

¹³ «Anthropology» («Антропология»), с. 452.

они мигрировали, за исключением Скандинавии, они, похоже, свободно смешивались с предшествующими меланохроичными жителями, давая ту тесно смешанную расу, которая представляет собой арийцев сегодняшнего дня. Этому слиянию мы обязаны современным людям южной Азии и Европы, от бронзовых брахманов Востока до круглоголовых и смуглых кельтов Запада. Только на крайнем Севере ксантохроичный тип сохранился в чистоте, и только в Аравии и Африке меланохроичный тип остался преобладающим. Во всех промежуточных регионах существуют все возможные промежуточные градации этих двух типов, хотя темный тип постепенно уменьшается по мере продвижения на север, а светлый – по мере продвижения на юг.

Если мы попытаемся выяснить происхождение светловолосого типа человека, то указания на него будут весьма туманными. Этот тип заметно отличается от монгольского; и все же мы не лишены промежуточных звеньев связи или следов тенденции монголоидов к принятию ксантохроических черт. Китайские историки рассказывают нам о неких загадочных племенах в Центральной Азии, которые отличались высоким ростом, зелеными глазами и рыжими волосами. Историк Матуаньлин описал один из таких народов, населявших западную Монголию в начале христианской эры. Похожее племя существовало и за горами Алтая. Другие племена упоминаются вплоть до двенадцатого века как высокие, с рыжими волосами и зелеными глазами, со светлым цветом лица.

Некоторые авторы склонны считать их представителями турецких монголов, которые, как известно, населяли вышеупомянутый регион. Внешний вид современных турок, действительно, сильно напоминает арийский тип человека. Турки Османской и Персидской империй полностью европеизированы по чертам лица и строению тела. Некоторые приписывают это их постоянным бракам с черкесскими рабами; однако такая теория применима только к богатым и влиятельным людям, в то время как крестьянство в равной степени европеизировано внешне. Большая масса населения низших классов всегда строго воздерживалась от межнациональных браков; различия в религии и нравах держали их отдельно от греков и персов. Таджики Персии, настоящие арийцы, принадлежат к мусульманской вере, враждебной той вере, которую исповедуют турки, и эти два класса держатся строго обособленно. Поэтому арийские черты цивилизованных турок не так легко объяснить.

Вамбери говорит о туркоманах, что только они из всех монголов не обладают высокими скулами, и среди них преобладает светлый цвет кожи. И все же тюркские орды северных степей имеют ярко выраженные монгольские физические характеристики, хотя иногда среди киргизов встречаются голубые и серые глаза. Еще дальше на восток появляются аналогичные признаки. Топинард приводит следующие цитаты: «Мы видели татар-манчу, – говорит Барроу, – которые сопровождали посольство Макартни в Пекин, мужчин и женщин, которые были чрезвычайно светлокжими и с розовым цветом лица; у некоторых из них были светло-голубые глаза, прямой римский нос, каштановые волосы и большая кустистая борода»¹⁴. Однако все это может быть последствиями смешения со светловолосой расой, хотя у нас нет доказательств наличия условий, благоприятных для такого смешения. Тем не менее, так не могло произойти в Америке, где подобные вариации являются обычным явлением. Кинг рассказывает, что «овальное лицо с римским носом», отнюдь не редкость среди эскимосов, а цвет лица у них иногда светлый, иногда темный. Среди американских племен нос иногда бывает монгольского типа, но часто он большой, выдающийся, узловатый и даже орлиный, а рост высокий, и череп имеет тенденцию к удлинённой форме. Несколько племен, как Северной, так и Южной Америки, очень близки к европейскому типу. Это удивительно характерно для манданов, так называемых белых индейцев Запада, описанных Катлином. Приведенные выше факты, по-видимому, указывают на значительную изменчивость монголоидной расы под влиянием разнообразия кли-

¹⁴ «Anthropology» («Антропология»), с. 452

мата и условий, поскольку эти широко распространенные модификации в сторону европейского типа вряд ли можно приписать смешению с расой, столь ограниченной по численности, какой были ксантохрои в начале исторической эпохи.

Однако есть еще одна лингвистическая ветвь монголов, которую следует рассмотреть – финны. И здесь мы обнаруживаем ярко выраженное сближение с ксантохроичной расой, слишком общее, чтобы приписывать его влиянию смешанных браков. Финны в какой-то степени занимают промежуточное положение между белокурым и монгольским типами, хотя гораздо ближе к первому типу. Они отличаются длинными волосами, обычно рыжеватыми или желтоватыми, или льняного оттенка, реже – каштановыми. Европейские финны имеют рыжие волосы, умеренно окладистую бороду, как правило, рыжую. Брови их густые, глаза впалые, голубого, зеленовато-серого или каштанового оттенка. Цвет лица светлый, обычно лица веснушчатые. Нос прямой, с маленькими ноздрями; скулы выдаются вперед из-за худобы лица; губы маленькие. Эти характеристики четко выделяют финнов из всех окружающих типов и приближают их к европейской, а не к монгольской расе. Северные русские, в частности, имеют очень схожие физические характеристики. Очень вероятно, что зеленоглазый и рыжеволосый народ, о котором говорят китайцы, связан с финскими племенами, хотя у современных финнов голубые глаза встречаются чаще, чем зеленые. Можно также сказать, что финны приближаются к арийцам по наличию мифологии и высокоразвитой поэзии, что свидетельствует о силе ума, которой нет у чистокровных монголов, находящихся на аналогичном уровне цивилизованности.

Таким образом, хотя прямых указаний на происхождение ксантохроичного типа человека не существует, есть веские основания полагать, что он является производным от монгольского и возник сравнительно недавно. Мы показали, что среди монголов Северной Азии и Америки существует тенденция к отклонению в сторону ксантохроических характеристик. В случае с финнами это отклонение привело к появлению ярко выраженной расы, почти приближающейся к ксантохроической, как физически, так и умственно. В этой связи интересно отметить, что финская раса является коренной жительницей местности, граничащей с той, которую новейшие археологи считают первоначальной родиной арийцев, и что она отличается от соседних русских в основном языком и очень мало – физическими характеристиками. В качестве гипотезы можно предположить, что древние ксантохрои произошли от финнов в эпоху, когда языки обоих народов еще не достигли большого развития, а дальнейшие физические изменения, которые имели место, вероятно, были вызваны климатическими влияниями и, возможно, проживанием ксантохроев в горном регионе¹⁵.

Ментальные характеристики нескольких человеческих рас приводят нас к аналогичным выводам. В первую очередь можно отметить, что все дикие племена Земли принадлежат к негроидной или монголоидной расе. Негритянская цивилизация никогда не возникала. Ни одна монгольская цивилизация не получила большого развития. С другой стороны, европеоид – это в первую очередь человек цивилизации. Ни один путешественник или историк не упоминает о диком племени европеоидной расы. Везде эта раса входит в историю в состоянии уже развитого варварства или быстро прогрессирующей цивилизации.

Но развитие европеоидов – это не работа одной из подрас, а их совместный результат. В умственном отношении каждый из чистых типов слишком близок к своей предполагаемой

¹⁵ Представляется вероятным, что саамы, европейские монголы, имеют близкое расовое родство с финнами. Профессор А. Х. Кин недавно обследовал группу из семи саамов в Лондоне и пришел к выводу, что в некоторых отношениях они отклонились от своего основного монгольского типа и ассимилировались, особенно по цвету волос и глаз, по цвету лица и форме носа, с окружающим норвежским населением. Он объясняет эту ассимиляцию скорее климатическими влияниями, чем смешением, прямых доказательств которого нет. Семья принадлежала к горным кочевым племенам, имеющим самое чистое происхождение и меньше всего общавшимся с европейцами.

расе предков, чтобы проявлять хорошие умственные способности. Чистые меланхрой склоняются к негритянскому типу интеллекта; чистые ксантрои приближаются к монгольскому. Негритянская раса, по описанию де Гобино¹⁶, отличается низким уровнем интеллектуальности в сочетании с сильной эмоциональностью. Поначалу негр быстро осваивается, но вскоре останавливается и становится тусклым в интеллектуальном плане. В эмоциональном плане негр способен на бурные страсти и сильные привязанности. Ему свойственны детская неустойчивость настроения, сильные, но недолговечные чувства, острая, но преходящая печаль. Он редко бывает злопамятным, его гнев яростен, но он быстро успокаивается, его чувствительность пылка, но быстро утихает. Его любовные чувства сильны, а чувственность хорошо развита. В этом он схож с меланхрой Аравии и Запада, в которых мы находим чувственный темперамент, неистовые страсти, сильные эмоции и менталитет, требующий для своего выражения больше возбуждения, чем разума, и склонный к фантазиям гораздо сильнее, чем к логике.

Если мы сравним желтую расу с черной, то обнаружим, что они сильно противоположны по своим психическим характеристикам. По мышечной силе и остроте чувств типичные монголы значительно уступают чернокожим. Они гибкие и подвижные, но не сильные. Их чувственность менее сильная, чем у негров, но они не так быстро успокаиваются. Они гораздо менее импульсивны и скорее упрямы, чем склонны к насилию. Их гнев мстителен, но не яростен. Они редко склонны к крайностям, и, хотя они легко понимают то, что не является очень глубоким и возвышенным, недостаток эмоциональной и творческой энергии не позволяет им обрести пламенную веру или возвышенную религиозную философию.

Они любят тишину и порядок и очень ценят полезное и практичное. Это действительно практичный народ в самом узком смысле этого слова. Отсутствие воображения делает их неизобретательными, но они легко понимают и перенимают все, что имеет практическую пользу¹⁷. Это описание относится в основном к азиатским монголам и проявляется во всех чертах китайской цивилизации. Его нельзя распространить на коренных американцев, у которых очень сильно развита способность к воображению. Однако в какой-то мере это применимо к светловолосой расе северной Европы, в которой мы находим сильную ментальную антитезу пылким народам Юга. Чистокровные блондины заменяют нервный темперамент меланхроев лимфатическим. Им не хватает живости, но они более рефлексивны. Ими управляет разум, а не желания. Выводы не делаются импульсивно, а продумываются и прочно удерживаются, когда к ним приходят. Они не обладают быстрой страстностью, медленно пробуждаются, но серьезны, настойчивы и храбры, не нуждаясь в стимуле восторженности. Они искренни и простодушны, но пристрастны к обжорству и пьянству – порокам, к которым меланхрой пристрастны в гораздо меньшей степени. В этих отношениях белокурые белые представляют такое же сходство с монголами, как темные белые с неграми, и, соответственно, являются высшим проявлением этих двух рас.

Но в менталитете двух первичных рас мы имеем зародышевые условия высших фаз интеллектуального развития. Эмоциональные характеристики негра – это зародышевая стадия воображения; практический менталитет монгола – это зародышевое состояние рассудочных способностей. В Скандинавии мы находим практичный народ, но не склонный к абстрактному мышлению. В Аравии и Северной Африке мы находим высокоэмоциональный народ, но не отличающийся богатым воображением. Для более полного раскрытия этих умственных способностей необходим был еще один шаг – тесное слияние двух подрас, которое так широко произошло. Смешанная раса Европы представляет нам самый высокий тип человека. Необузданные порывы южной фантазии были укрощены хладнокровными решениями, основанными

¹⁶ «Moral and Intellectual Diversity of Races» («Моральное и интеллектуальное разнообразие рас»), с. 445.

¹⁷ «Moral and Intellectual Diversity of Races» («Моральное и интеллектуальное разнообразие рас»), А. де Гобино, с. 445.

на практическом смысле, пока мы не обнаружили, что прямым продолжателем восточной экстравагантности являются произведения греческого народа, наделенные художественным воображением. Практическая направленность северного ума вдохновлялась воображением до тех пор, пока не породила возвышенные плоды германского разума.

Несмотря на долгое и тесное смешение этих подрас, ментальный характер каждой из них часто проявляется в сильной изоляции; то разум, то воображение заметно преобладают в отдельном человеке или народе. Наивысшее проявление способности мыслить в современной Европе наблюдается в регионе германского народа, в котором в избытке содержится ксантохроническая кровь. Способность к воображению достигла своего наивысшего развития на Юге, где в избытке меланохроническая кровь. Это ярко проявляется в литературе Греции, а еще ярче – в Индии, где полет воображения оставил разум далеко позади. В современной Европе эти две способности находятся в определенной степени равновесия: хотя во Франции и на юге преобладание воображения проявляется в художественных и живописных тенденциях мышления, в Германии наблюдается аналогичное преобладание логических способностей; а в Англии, центральном месте встречи двух рас, эти две способности сочетаются более равномерно, чем где-либо еще на земле. Именно этому смешению Юга и Севера, светлого и темного, суждений и эмоций, воображения и разума мы обязаны появлением арийской расы, вершины человеческого развития и кульминационной точки в длительной эволюции человечества.

Де Гобино кратко перечисляет сравнительные ментальные характеристики трех типичных человеческих рас в следующих терминах. Белая раса обладает большой физической силой, способностями и выносливостью. Она обладает сильной волей и стремлениями, которые контролируются интеллектом. Великие дела совершаются с готовностью, но не вслепую. В ней проявляется сильный утилитаризм, соединенный с мощным воображением, которое возвышает, облагораживает и идеализирует ее практические идеи. Негр может только подражать, китаец – использовать работу белого; но последний способен щедро создавать новые произведения. У него такое же острое чувство порядка, как и у желтого человека, но не из любви к спокойствию, а из желания защитить и сохранить свои приобретения. Любовь к свободе у него гораздо сильнее, чем у представителей черной и желтой рас, и он сильнее цепляется за жизнь. Его высокое чувство чести – способность, неизвестная другим расам, которая проистекает из возвышенных чувств, которые они не знают. Его ощущения менее интенсивны, чем у черных или желтых, но его психика гораздо более развита и энергична.

Нашу гипотетическую линию физического развития человека можно объединить с линией умственного развития в кратком обзоре прогресса человеческого мышления. Возможно, в очень давние времена на земле обитала одна раса людей, похожая на животных, как телом, так и разумом, если судить по самым древним из обнаруженных до сих пор следам человечества. В более позднюю эпоху появились две ярко выраженные расы, возможно, как производные от единой первобытной расы. Или, по мнению некоторых, эти две расы были первобытными и представляли собой два исходных вида человека. Они существенно различались как физически, так и умственно. Негритянская раса отличалась сильной эмоциональностью, что соответствовало тропическому климату; монгольская – столь же сильной флегматичностью и практичностью, что соответствовало холодному климату. Гораздо позже эти расы дали начало двум более высокоразвитым типам человека – меланохроем, у которых негритянская эмоциональность переросла в воображение, и ксантохроем, у которых монгольская практичность переросла в логику. В конечном счете, интенсивное смешение этих двух подрас привело к появлению современного доминирующего типа человека, арийца, в котором логика и воображение соединились в разум и искусство, а особое, одностороннее умственное развитие древнего человека стало обобщенным, промежуточным состоянием ментальности, которое может быть наиболее точно охарактеризовано словом интеллектуальность. Таким образом, ариец выступает как тип интеллектуального человека, центральный результат развития рас,

в котором соединились особые состояния темной и светлой подрас. Север и Юг, эмоциональное и практическое, смешались и объединились в самые высокие и благородные состояния ума и тела. Если теперь мы перейдем к рассмотрению расовых различий, обозначенных языком, то обнаружим, что они в некоторой степени соответствуют приведенным выше, хотя и разделяют человечество на несколько меньших расовых подразделений. Например, значительные различия в физических характеристиках между коренными американцами и азиатами, указывающие на их раннее разделение, согласуется с языковыми особенностями, поскольку каждый континент имеет свой ярко выраженный языковой тип. В языковом отношении европеоиды делятся на три подтипа: арийцы, семиты и хамиты. Между первыми двумя из них различия в языке очень заметны. Между семитами и хамитами оно гораздо менее выражено, и их языковые типы, похоже, выросли в тесном соседстве. Примечательно, что на этих последних типах языков говорят народы меланохроической крови. Но ни один ксантохроичный народ никогда не был обнаружен говорящим на каком-либо языке, кроме арийского.

II. РОДИНА АРИЕВ

Пытаясь найти первоначальную родину арийцев, мы в основном рассматриваем ксантохроичный, или светлый, тип расы. Меланохроичный, или темный, тип был широко распространен в позднюю доисторическую эпоху по всему Средиземноморью и южной Азии. Но блондины, по всей вероятности, были гораздо более ограничены в географии, и место их проживания остается одной из нерешенных научных проблем, несмотря на настойчивые усилия, которые были предприняты для его обнаружения. И все же эти блондины или «белокожие блондины» были истинными арийцами, людьми, от которых произошел тип языка, известный как арийский. Языки «темных белых» принадлежат к совершенно особой языковой группе, на которой до сих пор говорит большинство типичных представителей этой расы, хотя на арийских языках обычно говорят племена и народы, возникшие в результате смешения двух рас. Поэтому мы попытаемся проследить изначальную родину ксантохроев – голубоглазых и светловолосых предков современных арийцев.

Попытки решить эту проблему в основном основывались на выводах сравнительной филологии. Для ее приверженцев это было увлекательным занятием. Язык древних ариев был совершенно неизвестен, однако его фрагменты покоились в глубинах современного языка, и их старательно выуживали и собирали воедино, пока, подобно зданию, построенному из разрозненных блоков, он не предстал перед нашим мысленным взором в законченном и целостном виде. Слово за словом язык древних ариев был воскрешен. Слово обозначает вещь, отношение или действие и указывает на какое-либо владение или деятельность людей, которые его использовали; слова языка воплощают всю хозяйственную, социальную и политическую жизнь народа, вплоть до мельчайших деталей. К сожалению, мы не знаем язык древних ариев в полном объеме и не уверены в том, какое значение они придавали своим словам. Тем не менее, его изучение позволило нам взглянуть на жизнь исчезнувшего народа и в какой-то мере вернуть его на поверхность земли.

Открытие близкого родства между языками Европы стало результатом совсем недавних исследований. Сходство между греческим и латынью, в действительности, было известно давно, а общее происхождение романских языков – французского, испанского и итальянского – было слишком очевидным, чтобы можно было упустить это из виду. Но то, что остальные языки Европы были их двоюродными братьями, стало ясно только после того, как филология превратилась в науку. Различия между ними, хотя они и носили одинаковый характер, были гораздо шире, чем различия между романскими языками, и требовали критического изучения, прежде чем их сходство стало очевидным.

Прежде чем эта работа достигла значительного прогресса, в ту же семью был включен еще один и очень далекий язык. Англичане в Индии познакомились с санскритом – благородным и почитаемым языком ведической литературы индусов. К своему удивлению и восторгу, они обнаружили, что этот интересный язык имеет тесные родственные связи, как в словах, так и в структуре, с европейской семьей языков. Впервые на это указал сэр Уильям Джонс в 1790 году, который заявил, что три языка, латинский, греческий и санскрит, произошли из «какого-то общего источника, который, возможно, уже не существует». Он также был склонен приписывать персидский язык аналогичному источнику и намекал на возможность того, что кельтский и готский языки принадлежат к одной группе.

Эта самая ранняя концепция индоевропейской семьи языков была подхвачена и расширена примерно двадцать лет спустя Фридрихом Шлегелем, который в 1808 году выдвинул идею о том, что языки Индии, Персии, Греции, Италии и Германии связаны общим происхождением от исчезнувшего языка, подобно тому как современные романские языки произошли от латин-

ского. Для этого исчезнувшего диалекта он предложил название индогерманский. Истинность этой теории была впервые продемонстрирована Боппом в его «Сравнительной грамматике», опубликованной в 1833 – 1852 гг. Он не только четко доказал близкое родство по грамматической структуре между вышеперечисленными языками, но и добавил к ним зендский, армянский, славянский и литовский языки. Кельтские диалекты были включены в эту группу примерно в то же время; таким образом, родство всех членов большой семьи арийской речи стало очевидным. Для этой группы было предложено название «индоевропейская», – это название, которое до сих пор используется многими филологами. Термин «арийский» вошел в обиход совсем недавно, в основном благодаря влиянию Макса Мюллера. Это название по-настоящему применимо только к персам и индусам, под ним они знали себя до разделения; однако его краткость и простота в использовании дают ему преимущество перед сложными составными названиями в качестве наименования для всей широко распространенной семьи. Филологи-систематики ведут долгие споры, доказывая, что слово «„арийцы“» не имеет права применяться ко всем индоевропейским народам. Никто не оспаривает справедливость этих аргументов, и все же запрещенное слово вошло в обиход. Оно короткое и удобное, а это для обычных носителей языка в десятки раз важнее, чем его этимология. Внимательно изучать происхождение слов – одна из задач филологии, но это не означает, что нужно заменять общепринятые и удобные термины более правильными, но громоздкими синонимами. Во всех языках есть тысячи слов, происхождение которых совершенно теряется при их применении; филологам известно их первоначальное значение, и ничего больше не требуется.

Предположение об общности происхождения вышеупомянутых народов было высказано в ходе других исследований задолго до того, как это лингвистическое доказательство было завершено. Этнологи и мифологи оказали в этом помощь. Стала очевидной связь между их религиозными идеями, было отмечено сходство их расовых характеристик. Доктор Притчард предположил их родство на основе изучения черепов за много лет до того, как оно было доказано на основе изучения их языков. Но результаты этих ранних исследований были приняты лишь частично, и для того, чтобы завершить круг доказательств, потребовалась работа филологов. Получение доказательств с помощью филологии было нелегкой задачей. Разделение арийцев на отдельные ветви произошло так давно, а язык каждой ветви настолько отличался от языков других ветвей, что доказать их родство было непросто. Но наука терпелива и настойчива, у нее зоркий взгляд и ясное видение. Одна за другой трудности исчезали, и истина становилась очевидной. Одной из наиболее ярких форм языкового расхождения была та, на которую указал Якоб Гримм и которая нашла свое отражение в знаменитом «законе Гримма». Он ясно показал, что каждая ветвь арийской семьи имела своеобразные тенденции в речи, приводящие к определенным вариациям гласных и согласных, которые были постоянными для одного и того же народа. То ли в результате какого-то изменения в голосовых органах, из-за которого одна буква произносилась легче, чем другая, то ли по какой-то неизвестной причине, каждый народ развил свои собственные вариации от первоначальных арийских звуков, так что одно единственное древнее слово часто принимало формы, совершенно не похожие по звучанию и, казалось бы, несовместимые по форме. Так, согласный звук, ставший *v* у одной ветви ариев, превратился в *b* у другой. *S* у этого народа превратился в *th* у другого. Здесь гласный был придыхательным, а там *h* был подавлен. Можно назвать несколько таких способов изменения, каждый диалект разветвляется в своем особом направлении, германский идет по одной линии развития, латинский – по другой и т. д. Именно открытие системы голосовых изменений, преобладающих у каждого народа, является законом Гримма и позволяет нам доказать идентичность слов, которые на первый взгляд не имеют ничего общего. В качестве иллюстрации можно привести пример Макса Мюллера, который идентифицировал английское слово *Nelly* и слово Сарамы из «Вед». Санскритское *s* часто становится *h* в греческом, а плавная *g* так же часто превращается в *l*. Таким образом, санскритское *Sarama* стало греческим *Halama*. Затем, путем

обычной греческой модификации, оно сократилось до *Halan*. Но санскритское *a* часто меняется на *e* в греческом, и в результате такого изменения *Halan* стал *Helen*. Дальнейшие шаги по изменению были просты. *Helen* в английском языке превратилась в *Ellen* из-за утраты придыхания, а *Ellen* — в *Nelly*, которое стало привычным именем. При этом между этими двумя словами одного происхождения нет ни одной общей буквы. Филологам не часто приходится решать такие сложные задачи, как эта, однако их труд отнюдь не был пустяковым, и вышеприведенный пример послужит крайним примером изменений, с которыми им пришлось иметь дело¹⁸.

Достаточно сказать, что это направление исследований было доведено до абсолютной очевидности. Сегодня ученые сомневаются в изначальной общности языков названных народов не больше, чем в существовании Земли. Доказательство не основывается на возможном случайном сходстве слов, а касается самих нервов и сухожилий речи, — той жесткой устойчивой грамматической структуры, которая выживает после самых радикальных изменений в формах слов. Как отмечает Уитни, все эти разные народы считают одними и теми же числительными, называют людей одними и теми же местоимениями, обращаются к родителям и родственникам с одинаковыми титулами, склоняют существительные по одной и той же системе, сравнивают прилагательные одинаково, одинаково спрягают глаголы и образуют производные одним и тем же способом. Все слова, используемые в самом обычном обиходе, похожи. Слова, обозначающие Бога, дом, отца, мать, сына и дочь, собаку, корову, сердце, слезы и дерево, относятся к тому типу, который естественным образом сохраняется. Никакая случайность не могла бы привести к столь тесному соответствию между целым рядом языков; и общее существование таких соответствий абсолютно доказывает общее происхождение арийских языков.

Но очевидность общего происхождения языков приводит к очевидности общего происхождения народов, которые на них говорят. Если существовал один изначальный арийский язык, то существовал и один изначальный арийский народ. Из этого, однако, не следует, что все современные носители арийских языков являются потомками этого народа. Опперт, Ховелак и другие известные филологи утверждают, что совпадение арийских языков не доказывает общего происхождения, а является результатом распространения языка из одного центра через разнородное население, это подобно тому, как римляне и арабы распространили латынь и арабский язык в регионах, населенных другими народами. Эта теория, первоначально выдвинутая г-ном Оппертом, решительно оспаривается профессором Уитни. Он не может представить, что в ранний первоначальный период существовали обстоятельства, схожие с теми, что были в Римской и Арабской империях. По его мнению, ни один язык аборигенов никогда не был полностью искоренен без полной инкорпорации народа, а этого никогда не происходило, кроме как в Римской империи. Ничего подобного нет в завоеваниях персов, германцев, монголов или даже греков, и уж точно не могло возникнуть у гораздо менее развитого народа. Полное политическое и социальное слияние завоеванных с завоевателями в Римской империи никогда не имело аналогов в истории и существовало только в тех регионах, которые были связаны с Римом на протяжении многих веков. Арабская параллель очень несовершенна; она представляет собой скорее вливание арабского языка, чем отмену родных языков. Варвары не завоевывали настолько полностью; они уничтожали или порабощали, или их завоевания заканчивались, после длительного периода, восстанием завоеванного племени. Может произойти смешение рас, но вряд ли принятие языка племени-завоевателя несмешанными народами. Этот аргумент профессора Уитни, однако, не совсем согласуется с тем, что говорят нам расовые признаки арийских народов. Вряд ли можно сомневаться в том, что в неко-

¹⁸ В качестве иллюстрации словесной общности арийских языков можно привести формы, которые принимают одно или два слова в нескольких языках. Так, слово «дом» на санскрите — *dama* или *dam*; на зенде — *demana*; на греческом — *domos*; на латыни — *domus*; на ирландском — *dahm*; на славянском — *domu*, а английское производное — *domestic*. Подобным образом, «лодка» на санскрите — *navi* или *navika*, на персидском — *naw* или *nawah*, на греческом — *navis*, на латыни — *navis*, на старом ирландском — *noi* или *nai*, на старом немецком — *nawa* или *nawi*, на польском — *nawa*, а английское производное — *nautical*.

торых случаях энергичности арийцев хватило, чтобы навязать свой язык более многочисленным аборигенным народам, с которыми они смешались без остатка. Так, например, произошло с кельтами, славянами и индусами. Есть все основания полагать, что во всех этих случаях первоначальные арийские завоеватели смешали свою кровь с кровью значительно более многочисленного покоренного народа. Тем не менее, арийский язык сохранился с очень незначительными изменениями, в то время как речь аборигенов исчезла. Безусловно, энергичность, предприимчивость и упорство арийских переселенцев должны были оказать сильное влияние на более уступчивых аборигенов, и мы не можем удивляться, если последние часто теряли свой язык вместе с национальностью.

В предыдущем разделе мы достаточно подробно рассмотрели вопрос о смешении «светлых белых» и «темных белых» Европы и попытались показать вероятность того, что развитие этого типа человечества, с его характерными особенностями языка, происходило в регионе, отличном от региона проживания типичных меланохроичных людей. Где находился этот регион? На каком участке земной поверхности арийскоязычные народы выросли в социальную, политическую и языковую целостность и развили ту зарождающуюся цивилизационную и миграционную энергию, которая в более поздний период должна была направить их на завоевание мира? Это вопрос, который вызывает глубокую озабоченность у филологов, который еще далек от решения и, возможно, никогда не будет полностью решен. Однако на смену ранним и поспешным выводам пришли более обоснованные и последовательные теории; и вполне возможно, что «родина ариев» еще может быть определена с некоторой удовлетворительной степенью приближения.

Мы попытаемся кратко изложить современное состояние этого многострадального вопроса. При изучении арийской древности европейские языки предоставляют нам только слова. Никаких исторических деталей или традиций, свидетельствующих о ранней миграции из какой-либо отдаленной местности, не существует. Но в восточной ветви арийской семьи есть множество свидетельств миграции в Индию и Персию. Существуют литературные источники, восходящие к более позднему времени, чем дата этой миграции, включая ведические гимны индусов и религиозные труды Зороастризма, в которых сохранились некоторые исторические и географические детали. Они указывают на регион древней Арии, общий дом индусов и персов, когда они еще составляли единый народ, или всех ариев, как долгое время считалось.

Теория о восточной родине ариев была впервые выдвинута Дж. Г. Родсом в 1820 году. Тридцать лет назад предполагалось, что родиной общего арийского языка было, по словам Пикте¹⁹, «обширное плато Ирана, этот огромный четырехугольник, простирающийся от Инда до Тигра и Евфрата, от Окса^t [Амударья] и Яксарта^t [Сырдарья] до Персидского залива». Но вскоре эта территория была признана слишком обширной, и были предприняты попытки сократить ее до более вероятных пределов. Традиции Авесты, по-видимому, указывали на регион Бактрии как место общего проживания индусов и персов, когда они еще составляли единый народ. В тот период также много говорилось о плато Памира, «крыше мира», как о месте рождения цивилизованных рас, хотя сейчас ясно видно, что это недоступное и негостеприимное высокогорье совершенно не приспособлено для проживания людей. И в самом деле, авестийские предания явно зашли слишком далеко. Они действительно содержали воспоминания о древней иранской земле, но не давали оснований считать, что эта земля была колыбелью всей арийской расы. Далее обратились к филологии и утверждали, что язык, наиболее точно сохранивший древний арийский тип, должен был быть тем, который меньше всего мигрировал. Это первоначальное состояние было обнаружено в санскрите и зенде, в то время

¹⁹ «Les Origines Indo-Europeennes, ou les Aiyas Primitifs» (франц., «Индоевропейское происхождение, или древние арии»), с. 35.

как кельтский язык, проделавший путь на самый дальний Запад, очевидно, претерпел наибольшие изменения.

Однако к приведенным выше выводам может быть выдвинуто несколько возражений. Во-первых, тот факт, что ранние персидские и индуистские записи указывают на миграцию, в то время как в литературе ранней Европы не существует четкой традиции такого рода, доказывает, если это вообще что-либо доказывает, что восточные арийцы были единственными мигрировавшими представителями расы. И их сравнительно небольшая численность и ограниченная территория в ранний период их существования – свидетельствует о том же. Гораздо более вероятно, что имела место миграция одного племени с запада на далекий восток, чем то, что основная часть расы переместилась с востока на далекий запад, оставив позади одно племя. А о том, что эти восточные арии были переселенцами, вынужденными жить среди враждебных чужаков, свидетельствует их литература. Это литература битвы, смертельного поединка, непреклонной враждебности. Веды – это волнующие гимны народа, окруженного чужеземцами, чуждыми по расе и религии, с которыми не может быть мира и уничтожение которых – долг перед Богом и людьми. Они пропитаны духом вторгающейся расы, полной сил и нацеленной на завоевание. Индусы, похоже, как тогда, так и сегодня, погружены в самое сердце чужеродного населения. С тех давних пор восточные арийцы значительно расширили свое присутствие, но они по-прежнему повсюду окружены монгольскими племенами. Индия до сих пор в значительной степени населена представителями монгольской расы и племенами другой расовой принадлежности, в то время как чистых арийцев в ней сравнительно мало. Это соотношение в некоторой степени сохраняется также в Персии и других азиатских арийских районах. Жизненно важный арийский род сохранил свои позиции, но ему пришлось бороться с чужеродным множеством, и неизбежно произошло значительное смешение рас.

Аргумент от филологии кажется не более убедительным. В Ведах и Авесте сохранились реликты ранней стадии арийской речи, которая больше не существует как живой язык в Азии и не имеет аналогов в языках Европы. Если бы мы располагали остатками такого языка, относящимися к столь же древнему периоду, они могли бы оказаться столь же древними. А то, что кельтский язык претерпел предполагаемую трансформацию, подвергается сомнению филологами последних лет. В действительности, велика вероятность того, что арийцы до своего расселения занимали довольно обширную территорию, на которой они постепенно расселились из своих первоначальных небольших владений. Как следствие, их общая речь должна была претерпеть множество изменений и искажений среди различных племен и в домиграционный период. Бопп обнаружил признаки многих подобных отклонений и нарушений в организме первоначальной арийской речи, что, по-видимому, свидетельствует о том, что арийцы жили на своей ранней родине в течение длительного периода после первичного развития их языка. По мере их расселения диалектные изменения неизбежно усиливались, и вполне вероятно, что своеобразный диалект каждой ветви расы частично сформировался еще до эпохи расселения. Таким образом, аргумент об особой древности любой из сохранившихся модификаций языка едва ли может быть поддержан. Мы слишком мало знаем о разнообразии речи древних ариев и о ранней форме языков современной Европы, чтобы прийти к какому-либо определенному решению по этому спорному вопросу.

Фактически теория о том, что первоначальный дом арийцев находился в Бактрии, больше не поддерживается никем, кроме филологов старшего поколения. Аргументы, на которых она основывалась, оказались недостаточными для ее обоснования, а новые не были выдвинуты. Другая линия аргументации, на которую раньше обращали мало внимания, побудила некоторых современных авторов поместить древнюю арийскую родину в Европу. В начале века было высказано предположение, что славяне были первоначальным европейским населением. Совсем недавно утверждалось, что Европа была изначальной родиной всех ариев. Этой теории придерживаются Г. Шульц, д'Халлой, Летем, Бенфей и другие более поздние авторы, и она

быстро становится преобладающей точкой зрения. В качестве доказательства она опирается в основном на лингвистические аргументы.

Каждое слово, которое сегодня используется всеми арийскими народами, считается прямым выходцем из древней речи этой расы и указывает на некое древнее знание или владение арийцев. Изучение этих слов дает нам много интересной информации об условиях первоначального проживания ариев. Например, не существует общепринятого слова «верблюд». Используемое слово было заимствовано из семитских языков. Это кажется решающим аргументом против Бактрии, где верблюд является обычным животным и должен был получить название арийского происхождения, если бы арийские языки сформировались в этом регионе. Точно так же в арийских языках нет названия льва или тигра, и напрашивается вывод, что древние арии не знали об этих животных. На это возражают, что очень многие слова были утеряны, и что они могли исчезнуть и быть заменены другими словами. Однако такой вывод не основан на вероятности. Сохранилось много слов, которые с гораздо меньшей вероятностью могли бы сохраниться, и нельзя разумно утверждать, что названия этих ужасных и разрушительных диких зверей были бы полностью забыты, если бы когда-то были известны. Однако если в древнем арийском доме не было львов или тигров, мы должны искать этот дом в Европе, поскольку эти животные встречаются только по всей южной Азии.

В этой связи мы можем привести мнение Пешеля о первоначальной родине ариев, которое, правда, основано на несколько узких основаниях, но имеет сильные аргументы в свою пользу в дополнение к тем, которые он приводит. «Она находилась к востоку от ^t [реки] Нест, ныне Карасу, в Македонии, которая во времена Ксеркса была границей ареала обитания европейского льва. Она находилась еще севернее, чем Хузистан, Ирак-Араби и даже Ассирия, где до сих пор можно встретить львов. Она не могла включать в себя высокогорья западного Ирана и южные берега Каспийского моря, поскольку тигры до сих пор забредают в поисках добычи в эти места. Таким образом, на основании всех приведенных здесь фактов каждый географ согласится с тем, что индоевропейцы занимали оба склона Кавказа, а также замечательное ущелье Даризель, и имели привычку посещать либо Эвксинское ^t [Черное], либо Каспийское море, а возможно, и оба... На этот аргумент обычно возражают, что в ходе своих миграций арийские семьи покинули территорию льва и тигра, а вместе с животными забыли и их названия. Но это требует более веских доказательств, ведь маори сохранили названия домашней свиньи и кокосового ореха, хотя в Новой Зеландии не существовало ни того, ни другого. Если бы древние арийцы увидели или сразились с такими великолепными животными в своей стране, их названия, несомненно, сохранились бы, пусть и с измененным значением».

Другие авторы склонны поместить родину ариев на равнинах южной России, третьи – на берегах Балтики или в Скандинавии. В доказательство этих гипотез они приводят следующие факты. Арии занимали холодный регион. Из времен года у них есть названия только для зимы, весны и лета. Осень не признавалась как отдельный сезон. Но наиболее распространенными названиями климатических явлений являются те, которые относятся к зиме. Холод и снег им были хорошо известны. Наши предки жили в холодном и промерзшем доме. Их одежда состояла из туники, плаща, воротника и сандалий. Они были сделаны из шерсти или кожи. Для защиты от зимней стужи требовался обильный запас провизии. Среди диких животных они знали медведя и волка, среди деревьев – березу, – все это выходцы из европейского умеренного пояса. Похоже, они не были знакомы с ослом и кошкой – древними одомашненными животными Африки. Это говорит о том, что они находились слишком далеко от Египта, чтобы иметь какие-либо контакты с этой очень древней цивилизацией.

Предполагается, что им был известен какой-то большой внутренний водоем. У них были лодки, которые они передвигали с помощью весел. У них были названия для соли, крабов и мидий, но устрица была неизвестна в их языке, и они ничего не знали об океане. Соленое озеро, по которому они совершали свои морские походы, сторонники Азии считают Каспием.

Сторонники Кавказского региона, или равнин южной России, полагают, что это был Каспий или Черное море, или и то и другое. Те, кто помещает их в северную Европу, указывают на Балтику как на их море²⁰.

Другие доказательства того, что Европа была первоначальной родиной ариев, можно почерпнуть из фактов их исторического распространения. На заре истории они владели всей Европой, за исключением замерзших регионов Финляндии и Лапландии на крайнем севере. Вся Европа имеет их названия, за исключением тех мест, где сохранились географические названия басков. Ничто не указывает на то, что они являются захватчиками, как в случае с восточными арийцами. Все предания делают их уроженцами тех регионов, где они были обнаружены. Когда они впервые появляются в истории, они движутся на восток и юг, а не на запад.

Что касается теории экстремального миграционного расселения ариев, то она едва ли может быть поддержана. В истории человеческих миграций нет ни одного свидетельства в ее пользу. Единственными племенами в истории человечества, которые полностью отказались от своих прежних жилищ и массово переселились в поисках нового дома, были скотоводческие народы, за исключением, возможно, легендарных американских миграций охотничьих племен. В Европе и Азии такие целостные миграции можно проследить только на примере скотоводческих племен Аравии и Монголии; нет никаких записей о подобном движении земледельческого народа, каким в значительной степени стали арийцы в период их предполагаемого расселения. То, что такой народ мог расселиться несколькими большими последовательными волнами тотальной миграции на отдаленные расстояния, едва ли правдоподобно и совершенно не обосновано историей человеческих перемещений.

Арабское нашествие мусульман не было миграцией в полном смысле этого слова. Это был выход за национальные границы, вызванный надеждой на грабеж и стремлением к религиозной пропаганде. Аравия оставалась центром движения, и единственным поселением, образовавшимся в регионе, удаленном и оторванным от этого центра, было поселение в Испании. Этот пример представляет собой наводящую на размышления параллель с восточно-арийской ветвью, с ее благочестивым ужасом перед нечестивыми догматами своих врагов и значительным разрывом с родственной расой.

Однако древние арии, хотя и продвинулись в значительной степени дальше той кочевой, скотоводческой стадии хозяйственной жизни, на которой находились все известные в истории мигрирующие народы, еще не достигли той степени политической консолидации и религиозной культуры, которая необходима для определенных массовых захватнических движений с целью пропаганды. Поэтому гораздо более вероятным представляется, что передвижения ариев были скорее экспансией, чем миграцией, —непрекращающимся вторжением беспокойных и предприимчивых племен во владения окружающих народов. По мере того как их численность росла, а их первоначальный дом становился слишком мал, чтобы вместить их, они, возможно, распространялись таким образом во всех направлениях с неумной энергией, которая всегда была им свойственна, вытесняя первоначальное население, которое там находилось до их неумеренной экспансии. Эта идея, по-видимому, указывает на изначальную родину в каком-то центральном регионе, как предположил Пешель, на полпути между восточной и западной оконечностями арийского потока и предлагающем легкие пути для экспансии как на Восток, так и на Запад.

Большинство современных авторов, однако, склоняются к тому, чтобы принять Прибалтику или Скандинавию в качестве прародины ариев. Из нескольких аргументов, приводимых в поддержку последней гипотезы, наиболее весомым является тот факт, что Скандина-

²⁰ Поздние сторонники этой теории – профессор Пенка, который находит древний дом ариев в Скандинавии, и профессор Шрадер, который помещает его в северо-восточной Европе. Профессор Сейс, отмечая работы этих авторов, считает наиболее вероятным местом обитания ариев район Балтики.

вия – единственный регион Земли, где в настоящее время обитают чистокровные ксантохрои, которые по мере продвижения на юг все больше теряют свои типичные черты, пока совсем не теряются из-за сильного преобладания меланохроидной крови. Но это отнюдь не убедительный аргумент. Степень смешения с местным населением во многом зависела от его численности и от того, как с ними обращались завоеватели. Либо сильное сопротивление, либо сильные расовые предрассудки могли привести к их истреблению или полному отчуждению. Единственные скандинавские аборигены, о которых нам известно, – это саамы, монголоидный народ, с которым арийцы не проявили никакой склонности смешиваться, и который, возможно, изначально был вытеснен на холодные равнины, где они обитают в настоящее время. Ксантохроическую чистоту скандинавов можно объяснить, как с помощью этой теории, так и с помощью другой. Германцы и кельты Галлии имели одинаково чистую ксантохроическую кровь во времена Цезаря и Тацита. Утрата ими чистоты типа объясняется смешением их с того времени с меланохроидными местными жителями. Между скандинавами и саамами такого смешения, по-видимому, не произошло.

Сильным аргументом против скандинавской теории является и то, что в раннюю эпоху формирования языка арийцы были скотоводческим народом и стали частично скотоводческим народом в период своих миграций, а домашние животные у них, за исключением верблюдов, были такими же, как и у кочевников азиатских степей. Ни один скотоводческий народ никогда не зарождался иначе, как на широких, открытых равнинах с обильными пастбищами; это условия, которых нет на Скандинавском полуострове. Охота и рыболовство были единственными видами деятельности, которые могли зародиться на этой лесистой и приморской земле, за исключением крайнего Севера, где снежный покров давал возможность использовать северного оленя в качестве домашнего животного. Но этот исконно скандинавский тягловый зверь, похоже, не был известен древним арийцам, чего, конечно, не случилось бы, если бы он использовался ими или их ближайшими соседями. Как отсутствие общего слова для обозначения верблюда использовалось в качестве аргумента против Азии [как родины ариев], так и аналогичное отсутствие общего слова для обозначения северного оленя говорит против Скандинавии как первоначальной родины ариев.

Регион Прибалтики или северные районы России также не отвечают требованиям случая. Мы ищем не просто землю, которую арии могли заселить в соответствии с данными филологии, но такую землю, которая находилась бы в гармонии с их образом жизни и процессом развития; и ее, конечно, нельзя найти в густо заросшем лесом регионе, каким в древние времена были прибалтийские провинции».

В период, когда арийский стиль речи начал отклоняться от монгольского (с которым он имеет самое близкое родство по типу), а арийский человек, возможно, стал отходить от финского подразделения монгольской расы (которое наиболее близко к нему по структуре), деятельность ариев, по-видимому, была чисто скотоводческой, и, вероятно, долго оставались такой. На это ясно указывают характеристики корневых слов в их языках. Таким образом, баланс вероятностей говорит в пользу того, что они проживали в местности Европы, смежной с той, которую занимают скотоводы-монголы и финны, и которая, естественно, хорошо приспособлена к занятиям скотоводством.

Краткое исследование развития человечества показывает нам, что скотоводческий образ жизни зародился только на широких открытых равнинах и в пустынях Азии и северо-восточной Африки. В горных районах и лесных массивах такого занятия никогда не было. И животные, которыми владели арии-кочевники, были типичны Азии, за исключением верблюда, который приспособлен только для песчаных пустынь. Если родина ариев-кочевников находилась в Европе, то она должна была располагаться в местности, приспособленной к такому образу жизни и примыкающей к азиатским степям. Единственный европейский регион, который в полной мере отвечает этим требованиям, – юг России. Остальная часть России и Северной

Европы была тогда и до сих пор в значительной степени покрыта густыми лесами, в то время как южная Европа к западу от этого региона из-за своего горного характера абсолютно непригодна для жизни кочевого пастуха. Но регион юга России, особенно в окрестностях Каспия, представляет собой открытую равнину, частично пустынную, частично высокоплодородную, обладающую всеми необходимыми признаками близости к азиатским степям, первоначальной родине странствующего пастуха, и прекрасно приспособленную для скотоводства. Просто невозможно, чтобы такое занятие могло возникнуть или существовать в лесной стране, равно как невозможно представить, что варвары той эпохи имели возможности или склонность расчищать землю от лесов для создания пастбищ.

Следующим предметом рассмотрения является тот факт, что арийцы постепенно утратили свои кочевые привычки, перешли к оседлому образу жизни и начали заниматься сельским хозяйством, которое со временем они развили до такой степени, что пастушеские занятия стали иметь второстепенное значение. Местность, в которой они жили, должна была соответствовать этой смене хозяйственных привычек. Поэтому здесь необходимо выяснить, что послужило предпосылкой для развития сельского хозяйства.

И снова мы должны покинуть леса и искать открытые и естественно плодородные регионы. Насколько мы знаем или имеем достаточные основания полагать, сельское хозяйство в Восточном полушарии зародилось только в местах с особо благоприятной для него природой. Оно возникло на высокоплодородных берегах Нила, Тигра и Евфрата, Ганга и Инда, а также на плодородных равнинах великих рек Китая. В Азии, правда, также были и другие сельскохозяйственные регионы, но вполне вероятно, что эти местности получили знания об искусстве [земледелия] из названных регионов, а не в результате спонтанного развития. В Америке наблюдаются похожие признаки. Сельское хозяйство региона, где ныне находятся Соединенные Штаты, вероятно, возникло на богатых приграничных землях в низовьях Миссисипи и было распространено на север строителями курганов. Аналогичные условия, вероятно, сопутствовали его возникновению в Мексике и Перу.

На самом деле нет ни одного доказательства того, что сельскохозяйственные навыки когда-либо зародились спонтанно в холодном лесном регионе, таком как Прибалтика, а сам этот регион был слишком далек от сельскохозяйственных районов Африки и Азии, чтобы [земледельческое] искусство могло быть приобретено через торговлю или обучение. Регион, совершенно не приспособленный к скотоводству, в равной степени не подходит и для постепенной замены его на земледелие. Короче говоря, единственные занятия, которые, по-видимому, когда-либо естественным образом возникали в покрытых лесами странах, – это охотничьи занятия, а рыболовство возникало там, где рядом находились большие водоемы. Что касается районов северной Германии, то все, что мы знаем о привычках племен во времена Римской империи, указывает на то, что они были не только не склонны развивать сельское хозяйство, но и проявляли склонность пренебрегать знаниями относительно сельского хозяйства, которыми они уже обладали, и возвращаться к охоте, так хорошо подходящей для лесной местности.

Напротив, регион южной России и Кавказа, благодаря своей открытости, плодородию почвы и подходящему климату, а также соседству с сирийскими районами Азии, откуда можно было бы легко перенять искусство земледелия, кажется особенно хорошо приспособленным для постепенного перехода от пастушеских занятий к земледельческим, особенно в пределах горной цепи, куда естественно проникли бы расселяющиеся кочевники, и которая была непригодна для жизни скотовода.

Остается рассмотреть еще один важный вопрос. Мы привели, как нам кажется, достаточные доводы для убеждения, что ксантохрой не являются изначальной расой человечества, а произошли от предшествующей расы, по всей вероятности, от монголоидной, и что их происхождение датируется несколько более поздним периодом. Однако развитие нового типа при-

знаков и новых структурных особенностей тела вряд ли могло произойти в регионах, сходных по физическим характеристикам с теми, которые были характерны для родительской расы. Мы видели, что эта раса часто имеет тип лица и цвет кожи, близкий к арийскому; но такая тенденция не могла бы получить общего развития, кроме как вследствие заметного изменения физического окружения и условий жизни, как в случае с американскими индейцами и монголами северной Европы. В случае с арийцами это изменение могло быть вызвано проживанием в горном районе, таком как Кавказ. В таком регионе, очень сильно отличающемся по климату, физическим условиям, необходимому жизненному укладу и хозяйству от жизни на равнине, вполне могли произойти заметные изменения в телесной структуре, а условия существования могли потребовать постепенного развития того искусства земледелия, которое уже практиковалось в соседнем регионе юго-западной Азии.

По ряду причин, приведенных здесь, и по другим, которые будут изложены в следующей главе, мы склонны считать юго-восточную Россию родиной арийцев в их кочевую эпоху, а Кавказский горный район – местностью, где они приобрели светлый цвет лица и другие черты ксантохроического типа, усовершенствовали арийский стиль языка, научились искусству земледелия, развили свои политические и религиозные идеи и организацию.

Из этой горной цитадели, в которой они вполне могли противостоять любой агрессии в течение длительного периода своего развития как самостоятельный народ, они, вероятно, расселились на плодородные равнины юго-восточной России, заняв территорию между Каспийским и Азовским морем и расселяясь на неопределенное расстояние на север и запад. Северные границы расселения, возможно, были местом обитания древних русских, поскольку они меньше отличаются от монголов, чем любая другая часть арийцев, и сегодня имеют близкое сходство по физическому облику с финнами. Если бы арийский тип языка был навязан финнам, и последние, таким образом, были бы классифицированы как отдаленные представители расы, мы должны были бы иметь почти непрерывную линию отклонений, ведущую от типичного ксантохора к монгольскому типу человека.

Регион, который мы указали в качестве первоначальной родины арийцев, имеет еще один аргумент в свою защиту. Это близость к семитскому населению Юга и легкость, с которой светлые и темные типы могли смешиваться на той ранней стадии культуры, которая предшествовала сильным политическим и религиозным антипатиям. Он кажется естественной точкой соприкосновения высших достижений рас Севера и Юга и может иметь прямое отношение к существующему ярко выраженному меланохроическому типу южных арийцев. И этим, возможно, объясняется то сильное оживление арийского интеллекта за счет привнесения образного элемента южного ума в практическую основу монгольского менталитета, что было необходимо для раскрытия его высоких способностей мыслить и усиления энергии, которая с неослабевающим упорством повела расу из ее тесного первоначального дома к покорению мира.

В более поздний период появились права собственности, исключительная арийская клановая система, религиозная нетерпимость и фанатизм, а вместе с ними — устойчивое чувство враждебности к чужакам и жесткое стремление к изоляции, которое мы обнаруживаем в подобных исторических случаях. Такие меры должны были сдерживать проникновение чужой крови и дать возможность для полного развития арийского типа языка и социальных, политических и религиозных институтов, не испорченных иностранным влиянием.

В языке и институтах арийцев практически нет следов такого влияния; и каковы бы ни были этапы их становления, во всех деталях внешней конституции и ментального характера арийцы принадлежат к числу наиболее определенных и ярко выраженных человеческих рас и заметно отличаются от всех других племен и подразделений человечества.

III. ИСХОД АРИЙЦЕВ

Если мы оглянемся назад во времени на самую отдаленную точку, до которой простираются рамки истории или предания, то увидим Европу и Азию как арену активного действия и бесконечных потрясений. Повсюду племена, общины, нации находятся в движении, расширяя свои территории, захватывая владения друг друга, сражаясь за лучшие места на земле, стремясь к богатствам, которые хозяйство более цивилизованных стран предоставляло алчным варварам. Везде было одно и то же. Как в Италии, так и в Греции, Сирии и Вавилонии, Персии и Индии, Китае и Скифии, племена и народы двигались в ошеломляющем беспорядке фантазмагории. Для нас это скорее смена названий, чем народов. До наших дней дошли многочисленные названия племен, но мы очень мало знаем о сообществах, которые эти названия обозначали; и поверхность земли в эту раннюю эпоху представляется нам похожей на шахматную доску, на которой непрерывно перемещаются взад и вперед непонятные фигуры. Только в одном мы можем быть уверены. Нам известны общие расовые соотношения этих мигрирующих народов. Мы знаем, что перемещения в Европе и на юге Центральной Азии были в основном арийскими, в то время как движения в Сирии – семитскими, а в Северной Азии – монгольскими. Среди мигрирующих народов арийцы занимали наиболее важное место, их перемещения и захват новых регионов были более решительными, чем у других рас человечества.

Едва ли можно утверждать, что такое положение вещей является репрезентативным для всего масштаба человеческой истории, от древнейшего времени появления человека на Земле до настоящего времени. Подобный миграционный дух существовал на протяжении всего периода письменной истории, но его результаты неуклонно становились все более обширными по мере развития цивилизации. Перемещения, о которых повествуют нам самые ранние записи, носят незначительный характер. Мы видим миграции небольших племен на небольшие расстояния, вместо последующих походов огромных армий на тысячи миль. Таков характер первых миграционных движений и враждебных вылазок, описанных в Библии, а также подобных перемещений итальянских и греческих племен. Так же обстояло дело и с военными предприятиями древних цивилизаций. Записи о первых династиях Египта и Вавилонии не содержат свидетельств масштабных операций. История древнего Китая – это история внутренней борьбы племен. Эта растущая империя также не подвергалась серьезной опасности со стороны скотоводческих орд с Севера, которые еще не научились искусству массовой миграции.

Ограниченность миграции в начале истории по сравнению с обширными перемещениями более позднего периода свидетельствует о еще более слабой миграционной активности в доисторические времена. Дух исхода, возможно, только начал действовать, а смешение рас только началось, когда появились исторические записи. На самом деле для любого активного предприятия такого рода необходима значительная степень интеллектуального развития. Мы не находим ничего подобного среди диких народов Земли. Современные дикари не предпринимают никаких усилий, чтобы расширить свои владения. Каждое племя естественным образом распространяется, пока не достигнет границ другого племени, и там оно останавливается в скучном довольстве. Эта граница обычно является линией вражды, но не энергичного вторжения. В Африке, например, мы не знаем о миграциях чистокровных негритянских племен. Активность в этом плане здесь наблюдается только у фулахов и других смешанных рас. У нас есть все основания полагать, что в раннюю эпоху происходило значительное перемещение населения, поскольку имеются свидетельства очень древнего заселения всей земли. Но, возможно, это произошло в значительной степени благодаря плодовитости человека, а не из-за его предприимчивости. Из первоначального центра или центров расселения человек, по мере роста своей численности, медленно распространялся, занимая всю землю, и лишь природ-

ные трудности и враждебность диких зверей сдерживали его миграцию. Это распространение могло занять многие тысячи лет. Но когда земля была полностью заселена, возникла серьезная проблема. Повсюду люди встречались друг с другом. Несомненно, царила непрекращающаяся вражда, но не было ничего, что мы могли бы правильно назвать агрессивной войной. Каждое племя или раса оставались замкнутыми в своих древних владениях, лишь медленно и несущественно расширяя или сдвигая границы. Только те народы, которые благодаря большему развитию интеллекта достигли превосходства в вооружении и предприимчивости, медленно распространялись за пределы своих владений, постепенно оттесняя своих более слабых и вялых соседей.

Предлагаемые здесь мнения соответствуют фактам, на которые указывает существующее состояние человеческих рас. Мы осознаем, насколько сильное смешение рас произошло с начала исторического периода. Чистые расы находятся на минимальном уровне численности, смешанные расы – на максимальном уровне численности по всей земле. И это особенно характерно для регионов с наибольшей цивилизованностью населения. Это сильно выражено в южной Азии и еще сильнее в южной Европе. Чтобы хоть как-то увидеть расовую чистоту народа, мы должны искать регионы варварства и дикости, главным образом в местностях, граничащих с Северным полярным кругом, а также в тропиках Африки и Америки. Если бы в течение долгих веков прошлого человечества существовал энергичный миграционный и захватнический дух, имеющий хоть какое-то отношение к раннему историческому периоду, то произошло бы полное смешение рас человечества, и существование четко выраженных рас в наши дни было бы невозможно. Расовые различия были бы стерты, как это в значительной степени происходит сейчас в центрах активного развития цивилизации. Таким образом, эпоха возникновения активного миграционного духа имеет огромное значение в истории человечества. Эта эпоха, вероятно, была эпохой, непосредственно предшествовавшей зарождению письменной истории, если можно судить по признакам. Мы видим свидетельства такого духа в ранней истории Китая, Вавилонии и Египта, вероятно, это значительно раньше, чем он появился у арийцев. И все же последние, войдя в круг миграционной активности, быстро стали самой предприимчивой из человеческих рас. Основания для таких выводов есть в истории и обстоятельствах жизни этих нескольких рас.

Хозяйственное и политическое положение арийцев значительно отличалось от положения семитов и монголов. Последние были кочевыми скотоводческими народами. Арийцы же, хотя поначалу занимались скотоводством в отдаленные времена, затем стали земледельцами. Есть также основания полагать, что в период, непосредственно предшествующий известному нам периоду истории, они не были кочевниками, и делились на множество мелких групп. Об этом можно судить по их политической системе, по их деревенской общине, которая, должно быть, долго развивалась и указывает на длительный период постоянного проживания [на одном месте] и на наличие земледельческих навыков.

В результате они значительно уступали в политической консолидации кочевым племенам пустыни, каждое из которых составляло единую группу. Арийцы же были разделены на множество мелких групп, различных по своим интересам. Племена пустыни были привычны к быстрым и длительным перемещениям, при которых они брали с собой свое имущество. Арийцы были привязаны к своей собственности, которая состояла, по крайней мере, частично из недвижимости, а не только из движущихся стад, как у кочевников. И, наконец, организация кочевого племени была похожа на армию. Оно подчинялось одному шейху, или патриархальному вождю, который руководил всеми его передвижениями и мог в любой момент начать подготовку к вторжению. Арийская организация представляла собой сообщество равных. Она была полностью демократичной, и только в процессе длительного развития оказалась под контролем воинственных вождей или лидеров. Она не была захватнической, хотя, вероятно, стойко противостояла вторжению.

Из этой разницы в условиях мы можем понять разницу в истории земледельческих и кочевых народов. Кочевники северных и южных пустынь, хотя, возможно, даже тогда уступали арийцам в интеллектуальной энергичности и хозяйственном развитии, были гораздо лучше приспособлены для миграций и вторжения в соседние регионы. Этим, несомненно, объясняются захватнические движения в Китае, Вавилонии и, вероятно, в Египте, а также создание в этих местах мощных земледельческих царств с формой правления близкой к той, что была у арийцев. В это время арийцы оставались в варварском состоянии, медленно развиваясь в хозяйственном отношении, но почти не развиваясь в политическом.

Последующие различия в историческом развитии этих рас объясняются тем, что арийская политическая организация допускает устойчивое развитие, в то время как политическая организация скотоводческих рас по сути своей примитивна и непрогрессивна. Единственное изменение, на которое способны последние, – это распространение власти умелого вождя с одного племени на широкий круг племен, чему мы обязаны ужасными монгольскими миграциями Средних веков. Однако это не могло привести к какому-либо значительному постоянному результату, так как они не имели сильного принципа политической консолидации. Арийский принцип, напротив, развивался медленно, с ростом авторитета племенного вождя, но он зависел не столько от способностей вождей, сколько от жизнеспособности организма племени. Таким образом, арийские перемещения были настойчивыми, а не случайными, а их последствия – постоянными, а не временными. Где ариец ступил, там он и остался. Были некоторые временные отступления перед диким натиском слабо объединенных скотоводческих орд, но почти во всех случаях они были преодолены, и арийцы неуклонно продвигались вперед, оттесняя все остальные расы человечества.

Если теперь мы перейдем к рассмотрению вопроса об исходе арийской расы из ее первоначального дома, то для начала мы должны попытаться проследить ее состояние и отношения с другими племенами в ту эпоху. Что касается места обитания ариев, то мы изложили то, что кажется нам наиболее вероятным из нескольких теорий; а именно, что оно находилось в регионе юго-восточной Европы, простирающемся от Черного до Каспийского моря, и, вероятно, на север на значительное расстояние по ровным степям России, с их прохладным климатом и прекрасной естественной адаптированностью как к скотоводческим, так и к земледельческим занятиям. На юге он мог занимать хребет Кавказа, а возможно, пересекал его и простирался на некоторое расстояние в горные районы к югу.

В дополнение к уже приведенным доводам в пользу этой гипотезы, можно отметить, что было бы трудно выбрать регион, более подходящий для того, чтобы стать колыбелью будущих завоевателей земли. Ни один регион в Европе или Азии не защищен лучше от вторжения. С широкими морями справа и слева и высокой горной цепью на юге, которую можно преодолеть только в двух легко защищаемых точках, к ней можно подойти только с севера. На ранних этапах развития расы, когда она могла располагаться в непосредственной близости от этих горных твердынь и внутри них, она могла бы бросить вызов всем захватчикам, как кавказские горцы так долго бросали вызов могуществу России. Здесь развивались очертания, физическая структура, интеллект, привычки к оседлой жизни, земледельческому хозяйству и демократической организации расы; и здесь, возможно, получив новый дух вдохновения через частичное слияние с меланохроичными народами Юга, зародилась типичная арийская раса, как мы полагаем, и начала свой исход, медленно двигаясь на север по плоским плодородным равнинам, которые простираются от самого подножия Кавказской цепи²¹.

²¹ Здесь можно сказать, что движение такого рода преобладало на протяжении всего исторического периода среди российских земледельцев и сохраняется до сих пор. На этой обширной земле есть много места для расширения, и крестьяне ищут новые места по необходимости или по желанию. Этот миграционный дух был использован российским правительством для колонизации вновь завоеванных земель.

В период, предшествовавший более активному миграционному движению, этот медленный исход на север, возможно, способствовал распространению арийцев на значительной территории, где они уже разделились на несколько отдельных и взаимно враждебных ветвей, с различными вариациями диалекта языка и заметными особенностями обычаев. Система языка, несомненно, возникла в то время, когда раса была ограничена в территории и численности. Вариации диалектов возникли после ее распространения. Костяк арийской речи был одинаковым во всех последующих ветвях, но при этом существовали значительные внешние различия. Возможно, кельтская, германская, греко-италийская, иранская и другие основные ветви арийской речи уже решительно заявили о себе, пока раса оставалась компактным организмом, а ее самая дальняя ветвь все еще находилась вблизи прародины.

В этот период регион, который впоследствии должны были занять арийцы, находился в руках чужеземцев. Южная Азия, от Армении до Индии, находилась во власти племен, частично монгольских, а частично, возможно, в руках меланохроической расы. Что касается Индии, то мы знаем, что так оно и было, по очень многочисленным останкам аборигенов, сохранившимся до сих пор. В Персии, Афганистане и т. д. следов аборигенов меньше; они в основном погибли или были включены в состав завоевателей. В Европе единственными существующими отдельными общинами аборигенов являются саамы и финны на севере и баски на юго-западе. Все остальные аборигены канули в Лету под натиском арийцев, хотя, несомненно, произошло значительное смешение. Фактически, в самых древних европейских летописях владения арийцев представлены почти такими же обширными, как и сейчас. Там нет четких следов аборигенов. Сохранилось несколько названий, таких как пеласги, лелеги, аматонки, иберы и аборигены, как названия древнего населения Средиземноморья; но на что указывают эти названия, никто не может утверждать с уверенностью. Пеласги, возможно, были древним арийским племенем переселенцев, хотя нет убедительных доказательств этого. Иберы в настоящее время считаются наиболее яркими представителями древней европейской расы. Этруски Италии, возможно, также были представителями этой расы, но остатки их языка слишком скудны, чтобы принять решение, и многие считают, что они были арийцами.

Из названных почти мифических народов иберийцев географы раньше считали доарийскими жителями Пиринейского полуострова и юго-запада Франции, последние остатки которых, как предполагается, сохранились в басках. Но все, что касается иберийцев, крайне неопределенно. Однако теперь мы знаем, что аборигены эпохи неолита, то есть люди, пользовавшиеся каменными орудиями, небольшого роста, с круглыми или овальными черепами, населяли этот регион в отдаленные времена и затем они расселились на территории Британии, Бельгии, Германии и Дании. Физически они напоминали басков больше, чем любой другой ныне живущий народ этого региона, и, возможно, проникли в Африку и составили часть берберского населения. Вероятно, это был древний европейский элемент, полудикий или варварский по своему состоянию, с которым арийцы вступили в контакт и который они частично уничтожили, а частично поглотили. Указания на такое слияние существуют у исторических кельтиберов Испании, предполагаемых метисов кельтов и иберов. Кроме Юга. С другой стороны, индо-персидская ветвь сильно меланохрична. То же самое можно сказать и о греко-итальянцах. Что касается кельтов, то они, как известно, изначально имели сильные ксантохроические черты, которые были ими утрачены в результате последующих смешений.

Таким образом, есть основания полагать, что все северные арийцы — кельты, германцы и славяне — изначально были чистыми блондинами и очень мало пострадали на своей родине от примеси чужеродного элемента. Это можно заключить из того факта, что все ранние историки описывают их после их переселения как людей с крупным телосложением, голубоглазых и светловолосых. С большой долей вероятности можно предположить, что нынешнее разнообразие их типа стало результатом сравнительно недавних браков с меланохричными и монголоидными коренными жителями. В принятой нами географической схеме эта часть древних

арийцев занимала плодородные равнины, простирающиеся на север и запад от Кавказского хребта. Южная часть [арийцев], греко-италийская и индо-иранская, которая, возможно, занимала южную часть хребта и горный район дальше к югу, могла свободно смешиваться с меланохроями Армении, Малой Азии и т. д. до своей миграции. Их нынешний ярко выраженный меланохроический тип может быть обусловлен в основном таким древним смешением, и в меньшей степени последующим смешением с коренными жителями их более поздних мест проживания.

Не исключено, что кельты возглавляли авангард в великом переселении арийцев. На самом деле их начала постигать участь их отторгнутых врагов уже в начале исторического периода, и более поздние захватчики из их собственной расы все больше и больше теснили их в самых западных частях европейского континента. Что подтолкнуло их к началу переселения мы никогда не узнаем. Вероятно, арийский гигант перерос свой родной дом и нуждался в большем пространстве для своих разрастающихся конечностей. Не одна историческая миграция была вызвана давлением сзади, как в случае с гуннами. Такое враждебное давление, возможно, привело в движение и кельтов и, более того, могло поддерживать их в движении, поскольку оказалось, что легче одолеть некультурных коренных жителей впереди, чем выдержать арийское давление с тыла. Движение кельтов, похоже, всегда было направлено вперед, если судить по тому, что известно об их истории.

Кельтская миграция была, вероятно, самой легкой из арийских. Как мы можем предположить, кельты встретили менее умелых врагов, чем восточные арийские мигранты, в то время как все последующие вторгающиеся в Европу имели дело с ариями, и поэтому нашли гораздо более трудный путь к победе. Когда произошел этот первый исход, предположить трудно. Возможно, он произошел в далекую доисторическую эпоху, а возможно, и нет; и невозможно сказать, сколько веков заняло это переселение. Арийцы еще только учились искусству вторжения. У них не было ни оружия, ни военного мастерства более поздних мигрантов. Возможно, их продвижение было очень медленным. Что касается современной истории этой кельтской миграции, то ее можно изложить в нескольких словах. Когда мы впервые узнаем о кельтах, они уже занимают весьма обширную территорию, включающую большую часть Европы к западу от Рейна и территорию Цизальпийской Галлии в Северной Италии. Вероятно, задолго до этого они пересекли Ла-Манш и заселили Британские острова. Но Испания, судя по всему, все еще оставалась в руках коренных жителей.

Самым ранним из военных походов кельтов, о которых повествует нам история, был тот знаменитый поход под предводительством Бренна, при котором был захвачен молодой город Рим и, если бы не случайность, это могло бы задушить этого скорпиона при его рождении. Столетие спустя другой Бренн повел галльские войска далеко на восток, и они опустошили Фракию, разграбили греческий храм в Дельфах и получили от Никомеда, царя Вифинии, поселение в Малой Азии, в области, названной в их честь Галатией. После встречи с океаном в своем движении на запад, кельтские мигранты, очевидно, направились на восток. Что касается границы между германцами и кельтами в этот ранний период, то она не может быть четко определена. Скорее всего, она проходила по Рейну от его истоков в Швейцарии до устья в Северном море. Дальнейшая история кельтов хорошо известна, и нам нет нужды описывать многочисленные нашествия римлян, германцев, саксов и норманнов, которым они подвергались, и в результате которых они оказались в своих нынешних тесных владениях.

Но в истории кельтов есть явления расовой изменчивости, на которые следует обратить внимание. Когда они впервые появились в истории, они были чистыми блондинами и обладали ростом, физической силой и свирепостью древних ксантохроев. «Галлы, – говорит Аммиан Марцеллин, – почти все высокого роста, очень светлые и рыжеволосые, у них ужасные свире-

тые глаза, они любят распри и очень надменны»²². Таков, по сути, был характер, физический и ментальный, всех арийцев, населявших север и запад Европы, хотя это ни в коем случае не относится к огромной массе народов, которые, как предполагается, произошли от них. По-видимому, [у галлов] произошло очень значительное проникновение в народ более темных и низкорослых людей, вероятно, коренных жителей, которые, несомненно, значительно превосходили своих захватчиков по численности. Таким образом, по-видимому, в кровь голубоглазых и светловолосых древних кельтов хлынул мощный приток меланохроической крови.

От этого сочетания и происходит современное французское население. Здесь мы видим белокурый тип, все еще существующий на севере, в то время как центральные районы заняты людьми современного кельтского типа, со вздернутым носом, несколько вдавленным у переносицы и почти не выступающим вперед, каштановыми или темно-каштановыми волосами, серыми или светлыми глазами. Таковы жители Оверни и бретонцы – низкорослые, смуглые, круглоголовые люди. На юге Франции встречаются несколько типов, и, по-видимому, в них есть сильная примесь баскской и берберской крови. Нечто подобное можно сказать и о кельтских районах Британских островов. В самом деле, если кельты покорили древних жителей силой оружия и энергией, то коренные жители, похоже, покорили кельтов численным превосходством. Как говорит месье Роже, голубоглазый, светловолосый, длинноголовый кельт постепенно уступал место во Франции в направлении с юга на север более древнему, темноглазому, темноволосому, круглоголовому типу. Соответствующие изменения произошли и в характере, и импульсивный, эмоциональный менталитет коренных жителей одержал победу над более спокойным и вдумчивым характером ксантохроичного человека.

Насколько можно судить, путь кельтов из древней Арии лежал на запад через среднюю Европу. За ними, по-видимому, последовали две другие арийские ветви: германская, которая шла по кельтскому пути, и греко-италийская, которая, возможно, продвигалась через горы и вдоль южных берегов Черного моря, сделав Малую Азию своим направлением движения. Если судить по признакам, ни одно из этих последующих вторжений не оказалось столь же легкой задачей, как кельтское. Последнему пришлось иметь дело только с коренными жителями, а первые вступили в контакт со свирепыми и воинственными кельтами, которые были совершенно равны им по силе и военному искусству. Возможно, вследствие этого мы обнаруживаем отклонение в этих более поздних направлениях миграций: южная ветвь ограничилась полуостровами Греции и Италии, тогда как северная ветвь продвинулась в верхнюю Германию и направила свои ведущие племена на Скандинавский полуостров. Возможно, кельты стояли прочным клином на срединной линии Европы, раскалывая последующие линии миграций и заставляя их расходиться на юг и север.

Из этих мигрантов германцы были сильно ксантохроичны, или светловолосы, и их скандинавская часть продолжает оставаться таковой до сих пор, сохраняя для нас в значительной чистоте тот тип физического и ментального характера, который был так сильно изменен в других местах вливанием чужой крови. Интеллект этого ксантохроического подразделения, как описывает его доктор Нокс²³, не изобретателен, не обладает духом абстракции, не любит метафизических спекуляций, не заботится о трансцендентном и по природе своей скептичен, подвергая все, даже свою религиозную веру, проверке разумом. В этом описании мы, по-видимому, имеем наивысший аспект практического монгольского ума, —интеллектуальное состояние, способное на величайшие свершения, если его однажды разжечь огнем воображения, но само по себе не прогрессирующее.

Древние арийские жители Германии описаны Тацитом как высокий и энергичный народ, с длинными светлыми волосами и пронзительными голубыми глазами. Им не хватало безрас-

²² Лэтем, «Natural History of Man» («Естественная история человека»), с. 194,

²³ «The Races of Man» («Расы людей»), с. 344.

судной импульсивности галлов, но они были такими же неистовыми и храбрыми, как и последние. Однако говорить о кельтской, а затем германо-арийской миграции, значит рассматривать этот вопрос с общей точки зрения. По-видимому, было много последовательных волн арийской миграции, каждая из которых подталкивала предыдущую и давала начало многочисленным отдельным племенам. Только с лингвистической точки зрения их можно назвать кельтскими и германскими. Они образовали последовательно мигрировавшие части двух самых северо-западных ветвей арийского племени. Так, Юлий Цезарь описывает Галлию как территорию, населенную тремя различными народами – аквитанцами, галлами и белгами. Предполагается, что аквитанцы были коренными жителями с некоторой кельтской примесью. Галлы описываются как яркие, умные, жизнерадостные, искренние, открытые и храбрые. Белги были более уравновешенными, менее активными, более вдумчивыми и менее склонными к экзальтации или депрессии. По характеру они приближались к германцам и меньше всего отличались от древнего типа. Германцы, в свою очередь, разделились на несколько ветвей, говоривших на разных языках, и на многочисленные племена. Вероятно, они пришли в страну несколькими последовательными волнами с востока. Ксантохроичных германцев времен Тацита, однако, с тех пор постигла та же участь, что и кельтов. Произошло большое смешение с темноволосым народом, и современные германцы утратили расовую индивидуальность, хотя они менее меланохроичны, чем народы Южной Европы. Вероятно, они, как и кельты, смешались со своими завоеванными подданными и меланохроичными народами, граничащими с их владениями на юге. Как бы то ни было, сегодня не существует какого-либо отличительного германского типа; на немецкой земле можно встретить любой тип человека, от светлого до смуглого.

Тацит дает нам много интересных сведений о привычках и условиях жизни германцев его времени, которые имеют важное значение из-за вероятной близости к жизни древних арийцев. Их одежда, по-видимому, была очень скудной и состояла в основном из мантии из грубой шерстяной ткани, наброшенной на плечи и закрепленной булавкой или шипом. Дальше к северу носили мантии из меха. Их жилища представляли собой низкие круглые хижины из грубого дерева, крытые соломой, с отверстием в верхней части для выхода дыма. Внутренние стены были грубо окрашены, и скот иногда находился внутри дома вместе с семьей. Их жилища не стояли вплотную друг к другу, а были разбросаны, и каждый свободный человек выбирал себе дом сам. Их любимыми занятиями были война и охота, а об их сельском хозяйстве почти ничего не известно. «Когда они не были заняты этим, то часто лежали без дела у очага, оставляя весь необходимый труд женщинам и мужчинам, не способным носить оружие». На их общественных собраниях пьянство и азартные игры были распространенным злом. Их оружием были длинное копье и щит, иногда булавы и боевые топоры. Каждый свободный человек должен был носить оружие и идти в бой под началом главы своего клана, а племя возглавлял наследственный вождь или избранный им лирцог или генерал. Сформированные таким образом, они бросались в бой, охваченные яростью, вызванной азартом войны, и старались уstrasшить своих врагов громкими криками и бряцанием щитов. В таком составе они бросались в бой, возбужденные военным азартом и стремясь запугать противника громкими криками и лязгом щитов. Потеря щита в бою означала потерю чести, а отчаяние проигравшего часто заканчивалось самоубийством.

Последней из северных миграций арийцев была миграция славянских племен, наступавших на пятки германцам и оттеснявших их в глубь Европы. Эта миграция, вероятно, происходила одновременно с историческим периодом формирования Южной Европы. Она занесла славян гораздо дальше в Европу, чем они смогли там удержаться, поскольку реакция германской доблести оттеснила славян к их нынешним границам — западным пределам Польши, Богемии и России. В этой связи несколько необычно, что и Берлин, и Вена, немецкие столицы, стоят на древней славянской земле.

Еще южнее славяне удержали свои позиции – в восточной Австрии, а также в северных и западных районах европейской Турции. Вероятно, одним из самых ранних славянских движений было движение литовцев – народа с языком, отличающимся ярко выраженной индивидуальностью, народа, сохранившего ксантохроический физический тип гораздо лучше, чем их русские сородичи. За всеми этими ответвлениями пришли собственно русские, по-видимому, последние из арийцев, покинувших родину предков. На самом деле, если наши представления о местоположении арийского дома верны, то к началу исторического периода русские все еще занимали его или же отошли от него на небольшое расстояние к западу. В пятом и шестом веках мы впервые получаем четкое представление об этом народе, занимавшем тогда ограниченную область на территории Малороссии, по соседству с нынешним российским районом Киева. Здесь был зародыш великой империи, которая с тех пор так широко распространилась под властью правителей германской крови. Указанный регион находится в непосредственной близости от того, что мы считаем вероятным местом обитания северной части древних ариев. Славянская ветвь, несомненно, была последней, покинувшей старый арийский дом, если можно сказать, что она вообще покинула его. В регионе, который, как мы предполагаем, является горной родиной арийской расы, несомненно, остаются люди славянского происхождения; а именно осетины Кавказского хребта. «Этот народ, – говорит Паллас, – в точности напоминает крестьян на севере России; у них, как и у тех, каштановые или светлые волосы, иногда также встречаются рыжие бороды. Они, по-видимому, очень древние жители этих гор». Славянская миграция после первого яростного натиска на Западную Европу, очевидно, стала очень целенаправленной. Важно заметить, что она все еще не прекратилась. С момента первого вхождения славян в историю она уступала давлению германской расы на западе, но упорно продолжалась на севере и востоке. В то же время славяне тесно смешивались с монгольской расой и в результате приобрели устойчивые особенности внешности и характера. Монгольская кровь и склад ума отчасти отвоевали русских у арийской расы.

Славянская миграция была скорее медленной сельскохозяйственной экспансией, чем воинственным предприятием. Славяне —наименее беспокойные, наименее воинственные и наименее прогрессивные из всех арийских ветвей. Они наиболее точно сохранили до наших дней древние установления и древнюю грамматику, и есть основания полагать, что в доисторический период они почти не увлекались беспокойными играми в войну и миграцию. Они кажутся арийцами-домоседами, хранителями старой усадьбы, которые оставались в родовых владениях, пока все их собратья уезжали за границу. Их передвижение было в основном тем устойчивым развитием хозяйства, перед которым орда кочевников не может устоять. Гиббон замечает о них, что «одна и та же раса славян, по-видимому, сохраняла во все века владение одними и теми же странами... Плодородие почвы, а не труд местных жителей, обеспечивало сельское изобилие славян. Их стада овец и рогатого скота были большими и многочисленными, а поля, которые они засеивали просом или чумизой, давали вместо хлеба грубую и менее питательную пищу»²⁴. Именно такие условия, вероятно, существовали в первобытном арийском доме. Древние славяне не отличались храбростью. Их военные достижения, как отмечает Гиббон, были скорее достижениями шпионов и бродяг, чем воинов, и они постоянно подвергались набегам более свирепых и воинственных соседей. Однако это вряд ли относится к южным славянам, которые энергично и успешно вторгались в Восточную Римскую империю и обращались с пленными с самой дикой жестокостью.

Характеристики русского славянского населения, приведенные выше, не являются характеристиками арийской расы в общепринятом понимании. На самом деле, славяне России утратили свой отличительный арийский характер еще в большей степени, чем кельты на Западе. В обоих случаях сохранились язык и институты, но расовое различие в значительной сте-

²⁴ «Decline and Fall of the Roman Empire» («Закат и падение Римской империи»), IV. 197.

пени исчезло. Русские часто представляют собой близкое сходство с монгольским типом, они либо сильно смешались с финнами, либо изначально были очень похожи на них, на что указывают темная кожа и желтая борода, столь распространенные среди крестьян. Лицо впалое, так сказать, между выступающими бровями и подбородком. Представители этой расы высокие, но не крепкие, сильные, но не энергичные, и в целом демонстрируют апатию. Им не хватает изобретательности, но они восхитительные подражатели, как и монголы. На самом деле они обладают ярко выраженными монгольскими чертами. На юго-востоке славяне смуглые, с темными волосами и глазами. К ним относятся хорваты, сербы и собственно славяне. Но словаки Австрии обладают светлой кожей и рыжими или льняными волосами как у северных русских. По правде говоря, это раса, в которой много смешанного, и единственным признаком, общим для всех славян, является брахицефалия – монгольская черта. Это раса, которой во многом недостает интеллектуальной энергичности и неугомонной энергии более чистых арийцев. Эти замечания, однако, относятся в основном к крестьянству. В крови правящего класса есть значительная доля немецкого и скандинавского элемента, и именно этому классу мы обязаны миграционной активностью современной России. Характерной чертой крестьянства является апатичное стремление оставаться на своем месте, хотя оно всегда готово мигрировать туда, где появляется явная выгода в сельском хозяйстве. Это сохранение старинных обычаев является ценным подспорьем для колонизаторской деятельности правительства.

Движение северных арийцев сопровождалось столь же активной экспансией темнокожих южан, отцов греческой и латинской, персидской и индийской цивилизаций. О датах этих перемещений мы знаем так же мало, как и о северных. Говоря о кельтской как о самой ранней миграции, мы имеем в виду только северное движение. Южное движение могло быть как одновременным, так и предшествующим ему. Когда появляются исторические сведения, кельты все еще находятся в активном движении. Они еще не завершили свою работу. Германцы заметно продвигаются, а славянские племена, вероятно, еще не покинули область древней Арии. Но в истории греков и итальянцев нет никаких исторических следов такого движения. Когда мы впервые о них узнаем, они полностью владеют своей исторической областью и не сохраняют даже традиции мигрировать. Они с гордостью называют себя автохтонами, исконными хозяевами земли. Мы можем считать, что их движение было одновременным или более поздним, чем у кельтов, только на основании его отклонения на юг и факта владения кельтами Центральной и Западной Европой. Однако это может быть связано с тем, что одна миграция происходила к северу, а другая – к югу от Черного моря.

В нашей схеме древней арийской родины предки греков и итальянцев занимают юго-западный регион, возможно, граничащий на севере с кельтами, если мы можем судить по их некоторому языковому сходству. Их местонахождение – горный район Кавказа и северо-восточная часть Малой Азии. Это кажется вероятным на основании того, что нам удалось узнать об их передвижениях, а также в связи с тем, что они в гораздо большей степени утратили ксантохроичный расовый элемент, чем северные арийцы. Хотя среди них не было блондинов, преобладающим был смуглый тип лица. Вероятно, до переселения они значительно смешались со смуглыми южанами; однако они никогда не забывали, что голубоглазые и светловолосые люди были их предками, и до последнего сохраняли восхищение этим типом.

Маршрут продвижения греков, насколько мы можем проследить по лингвистическим данным, проходил, по-видимому, через Малую Азию. По свидетельству греков, Греция была их родиной, а поселения в Малой Азии – результатом колонизаторских движений. Но современные исследования приводят к другому выводу и указывают на то, что по крайней мере ионийцы изначально пришли из Малой Азии. Типичных эллинов можно с большой долей вероятности считать пришедшими из Фригии – плодородного региона на северо-западе Малой Азии, где племя, прошедшее через горы, естественно, сделало бы остановку в своей миграции на запад. Здесь, возможно, они надолго остановились, значительно увеличились в численности и выде-

лили из себя последовательные подразделения, которые двигались на запад, в Грецию, в то время как авангард марша пробивался в Италию.

Все, что мы знаем об истории ранней Греции, – это то, что ее населял народ, который позднее греки называли пеласгами, но о происхождении которого мы совершенно ничего не знаем. О них написано немало. Нам рассказывают о великой волне миграции, которая принесла через Геллеспонт в Европу население, расселившееся по Греции и Пелопоннесу, а также по побережью и островам архипелага. Этому античному арийскому племени приписывают древнейшие архитектурные памятники Греции. Далее нам говорят, что приход более поздних племен продвигал вперед этот пеласгийский аванпост, пока он не перенесся в Италию, а затем исчез из Греции либо в результате разрушения, либо в результате слияния. Однако все это лишь предположения, они не имеют исторической основы. Нам ничего не известно о происхождении, расовом типе или степени культуры первых жителей Греции, хотя не может быть никаких сомнений в том, что арийцы последовательными волнами проникали в Грецию и Италию.

Прежде чем началась последняя миграция эллинов, они, по-видимому, разделились на две группы, четко различающиеся по языку и характеру, – дорийскую и ионийскую. Третья группа, эолийцы, выделилась в более поздний период. Предполагается, что дорийцы продолжали занимать горные районы, в то время как ионийцы переместились на юг, к морскому побережью Малой Азии, где они нашли более мягкий климат и приобрели новый образ жизни. Это предположение подтверждается их последующим характером и историей. Первые исторические следы дорийцев находятся в горных районах Македонии. Здесь они продемонстрировали тип выносливого горца, который, вероятно, был у них изначальным. Отсюда позднее они продвинулись на юг и заняли Пелопоннес, свою историческую родину, вытеснив предшествовавших им ионийцев.

Мы не можем найти никаких исторических следов первобытных ионийцев. Вероятно, они проникли в Грецию через острова архипелага, задолго до этого вступив в контакт с финикийскими мореплавателями и узнав от них основы морского дела и предпринимательства, что впоследствии стало их отличительной чертой. Распространившись по этим многочисленным и плодородным островам, они, наконец, вошли в Аттику, известный центр их будущей цивилизации. Но весьма вероятно, что они все еще владели побережьем Малой Азии, и то, что впоследствии было названо колониями, на самом деле было первоначальными ионийскими поселениями. По крайней мере, именно здесь зародилась их цивилизация. Здесь греческое искусство впервые достигло своего расцвета. Здесь была земля гомеровских песен и сцена жизни великого поэта. Отсюда в растущий торговый город Афины приезжали самые ранние авторы песен, философы и историки, чтобы в его богатых окрестностях получить награду за свой гений и заронить то семя мысли, которое впоследствии должно было прорасти и расцвести на аттической земле. О том, что более поздние колонии, дорийские, ионийские и эолийские, обосновались на берегах Малой Азии, есть исторические свидетельства; но они, очевидно, поселились среди греков и нашли там в развивающемся состоянии ту литературную и художественную культуру, которая впоследствии получила свое высшее выражение на полуострове Греция.

О том, когда и как арийцы появились в Италии, мы не знаем абсолютно ничего. Мы находим их там в начале истории, и это все. Первые греческие колонии на юге Италии обнаружили там два народа, названных ими лапигами и энотрами, которых они рассматривали как пеласгов или остатки древнейшего известного населения Греции. Возможно, они были арийцами, но в этом мы не можем быть уверены; сохранившиеся реликты их языка слишком незначительны, чтобы быть полезными [для такого исследования]. Центральная Италия была занята многочисленными племенами, которые были разделены на пять групп: умбрийцы, сабины, латины, вольски и оски. Есть все основания полагать, что все они были арийского происхожде-

ния. Умбрийцы оставили важные лингвистические данные в знаменитых надписях, известных как «Игувинские таблицы», которые указывают на очень древний арийский диалект и ставят умбрийцев в ряд древнейших арийских народов Италии. Что касается остальной части Италии, то ее север был занят несколькими отдельными народами, среди которых выделялось сильное кельтское поселение, известное как Цизальпинская Галлия. Южнее находилась земля Этрурия, населенная замечательным народом, который создал самую раннюю итальянскую цивилизацию, но чье этническое происхождение до сих пор остается загадкой. Были ли они арийцами или нет – вопрос, который еще предстоит решить. Все, что нам достоверно известно, – это то, что древние авторы представляют их как народ, полностью отличный от всех остальных народов в Италии. Что касается латинов, народа, которому впоследствии предстояло стать столь значимым в мире и так сильно продвинуть арийскую цивилизацию, то их происхождение остается неясным. Самым ранним местом их обитания, по-видимому, являются центральные Апеннины, а их язык имеет значительную примесь древнегреческого, что указывает на очень древнее ответвление от первоначального фонда греко-италийской речи.

Нам осталось проследить еще одну арийскую миграцию – индоиранскую, которая привела отцов индусской и персидской империй в их временный бактрийский дом. Эта ветвь арийского рода, согласно нашей схеме древней родины расы, должна была бы находиться на юго-востоке Кавказа, примыкая к южным берегам Каспия. Здесь, как и их соседи на западе, они, по-видимому, в значительной степени утратили отличительный ксантохроичный тип и были сильно изменены вливанием меланохроичного элемента. Их миграция, возможно, произошла значительно позже, чем у греков. Вполне возможно, что иранское давление могло спровоцировать греческое движение, если судить по тому факту, что Армения сегодня занята арийским народом, говорящим на иранском диалекте. Что касается распространения этой ветви расы, то у нас не больше исторических свидетельств, чем в случае с другими ветвями. Все, что мы можем обнаружить, – это протяженную цепочку арийских народов, ведущую от осетин, населяющих Кавказский перевал, последовательно к армянам, курдам, народам древней Мидии и Персии, афганским и белуджийским арийским племенам и индусам с берегов Инда и Ганга. На разных этапах долгого марша дивизии мигрирующей армии, по-видимому, останавливались и оставались жить, или, возможно, экспансия растущего народа продвигала его авангард все дальше и дальше на восток, по маршруту, вероятно, гораздо более легкому, чем тот, который вел в цивилизованные регионы юга [Европы].

Однако обо всем этом у нас нет исторических свидетельств. Хотя мы сейчас имеем дело с народом, обладающим немалым количеством литературы, датируемой периодом, когда их миграция была еще далека от завершения, однако эта литература является противоположностью исторической. Она просто рассчитана на то, чтобы сбить с толку и ввести в заблуждение серьезных исследователей истории. «Веды» индусов, действительно, не претендуют на историчность. «Зенд-Авеста» персов, хотя и не является исторической книгой, содержит географическую схему, которая служит единственным основанием для выбора Бактрии в качестве древней арийской родины. Однако эта авестийская география имеет самый мифический и неудовлетворительный характер. В «Вендидаде» перечислены шестнадцать земель, созданных Ахура Маздой. Было предпринято множество попыток идентифицировать их и сделать исторические выводы из их порядка, чтобы проиллюстрировать линию иранской миграции. Эти попытки оказались безуспешными. Некоторые из названных земель явно мифические, и только для девяти из них можно определить их местоположение. Однако, называя их, персидский автор, похоже, блуждал по карте наугад, не обращая внимания на стороны света. Из порядка их следования нельзя сделать никаких выводов, поскольку они не имеют порядка.

Однако эти географические записи, по-видимому, указывают на регион древней Бактрии как на место общего проживания индусов и иранцев еще до того, как они разделились на две ветви и начали свое последнее переселение. Это была земля, приспособленная для их нужд,

с ее горными склонами, участками плодородной почвы и прекрасными пастбищами, с обилием волов и лошадей, теплым летним климатом на северо-западных склонах Гиндукуша. Но то, что она была первоначальным местом обитания ариев, не имеет ни малейшего доказательства, а потому сама идея окружена непреодолимыми трудностями. По всей вероятности, это было место остановки авангарда арийского марша на Восток, место, где они могли долго отдыхать, и где их численность могла значительно увеличиться²⁵. Все, что мы знаем, это то, что после, вероятно, длительного проживания в этой местности, в течение которого первоначальные арийские намерения сильно изменились, произошло разделение. Некоторые утверждают, что это был религиозный раскол. У нас нет никаких доказательств этому, кроме сильного религиозного рвения, проявившегося в их литературе, и разнообразия мнений о богах, которые встречаются в древнейших документах индусов и персов. Предполагается, что группа преданных под предводительством Заратустры или Зороастра откололась от основного отряда и направилась в горные районы Ирана, повторяя, как мы предполагаем, свой первоначальный путь, вероятно, давно забытый. Здесь они обосновались, создали самобытную зороастрийскую религию и стали корнем будущей великой империи Персии.

В таком обратном движении нет ничего удивительного. Все арийское население Бактрии, казалось, находилось в движении и расширялось во всех доступных направлениях. Индийская ветвь продвигалась к богатым равнинам юга, и для иранцев оставался открытым только один путь, ведущий к персидским нагорьям. Марш отцов индусского народа можно проследить с некоторой ясностью. Похоже, что они вышли из западных пределов Ирана и медленно, сменяя друг друга, добрались до богатой, теплой и влажной долины Инда, ища новый дом на этих плодородных равнинах. Мы почти видим их на страницах «Вед», решительно идущих на юг, поющих свои будоражающие гимны, восхваляющих и призывающих своих божеств, ведомых своими жреческими вождями, и призывающих месть богам на своих врагов, дасью, «сыроедов», «безбожников», «грубых пожирателей плоти», «нарушителей жертвоприношений», «чудовищ» и «демонов», осмелившихся противостоять оружию посланных богом, ариев, благородной и правящей расы.

Это движение не было миграцией в собственном смысле слова. Как мы понимаем, это была, как и в случае со всеми арийскими движениями, экспансия, вызванная увеличением численности населения, поддерживаемая враждебным давлением с тыла. Нет никаких признаков насильственного продвижения, скорее это движение сменяющих друг друга племен, каждое из которых продвигало вперед предыдущее, и все они постепенно овладели обширной областью «пятиречья», простирающейся до великой равнины Ганга. Мы можем проследить линию похода в ведических гимнах. Самые ранние из них повествуют об индуистских племенах, живущих к северу от Хайберского прохода, в Кабуле. Более поздние были написаны и исполнены на берегах Ганга. Они продвигались вдоль подножия Гималаев и далее спускались на эту плодородную и всепоглощающую землю, оттесняя темнокожих аборигенов повсюду перед собой в горы и джунгли, и, вероятно, несмотря на религиозное отвращение, смешивая свою благородную кровь в какой-то степени с кровью этих презираемых аборигенов.

Насколько давно это было, можно предположить с определенной долей вероятности. Первое заселение долины Инда с пятью его притоками, по нашим оценкам, произошло около 2000 г. до н. э. Вряд ли это могло быть позднее, но могло быть и более ранним. Согласно списку вавилонских династий, приведенному Берозом, западная часть Персии была занята арийцами

²⁵ Изучение карты Азии показывает сравнительно короткий путь, пролегающий по южным берегам Каспия, из района Кавказа в район Гиндукуша. Можно предположить, что первоначальные арийские мигранты были вынуждены следовать этим путем из-за враждебного сопротивления вторжению древних горцев Персии, и что только после того, как они значительно увеличили свою численность и воинственную силу в Бактрии, они смогли вернуться и справиться с врагами, которых они избегали в своем первом походе.

уже в 2500 году до н. э. Все подобные оценки, однако, должны приниматься со многими допущениями²⁶.

Что касается физического и психического характера этих восточных арийцев, то здесь можно кое-что сказать. Индусский тип – явно меланохроический. Брамин с берегов Ганга отличается высоким, хорошо развитым лбом, овальным лицом, горизонтальными глазами, выступающим носом, слегка толстым на конце, но с ноздрями изящной формы, светлой, но легко бронзовеющей кожей и густыми черными волосами. Дальше к югу смешение с аборигенами было настолько велико, что нелегко найти типичного арийца. На самом деле индусы никогда не завоевывали южную половину Индии. Там дравидийское население по-прежнему насчитывает пятьдесят миллионов человек, хотя всякая расовая чистота исчезла из-за сильного смешения типов, которое, по-видимому, имело место. Менталитет древних индусов, как мы можем заключить из этого смешения кровей, отличался чрезвычайно острыми способностями к рассуждению, но, возможно, и самым развитым и буйным воображением, которое когда-либо появлялось на земле.

Современное иранское население – курды, армяне и таджики Персии – отличается черными глазами и бровями. Таджики, чистейшие потомки древних персов, описываются как люди с овальным лицом, широким, высоким лбом, большими глазами, черными бровями, прямым, выдающимся носом, большим ртом, тонкими губами, светлым цветом лица, прямыми и черными волосами, черными и густыми бородой и усами, обильными волосами по всему телу. В Афганистане часто встречается чистый арийский тип. Патаны, или афганские солдаты, обычно смуглые, как иранцы, но многие из них имеют рыжие волосы и голубые глаза, а также светлый цвет лица. Это особенно характерно для сиях-пош из Кафиристана, племени, говорящего на диалекте, произошедшем от санскрита. Таким образом, у иранской ветви восточных ариев ксантохроический характер сохранился гораздо полнее, чем у индусов. Возможно, что разделение единого народа произошло по этническим, а не по религиозным причинам. Иранцы —жители гор и сегодня, и, возможно, всегда ими были. Возможно, они представляют собой горскую часть первоначальной мигрирующей орды, а значит, ту, в которой изначально было меньше всего меланохроического элемента. Возможно, они занимали в Бактрии горную область, а индусы —ниже лежащие местности. Если бы это было так, у нас была бы дополнительная причина для движения иранцев к персидским нагорьям, а индусов – к индийским равнинам. Это случай, аналогичный тому, что произошел с дорийским и ионийским народами Греции. В древней Арии дорийские и иранские племена, возможно, были жителями гор, а ионийские и индусские племена – жителями равнин, и каждое из них, возможно, руководствовалось этим первоначальным образом жизни во всех последующих перемещениях. Персы отличаются от индусов чертами, сходными с теми, которые отличают дорийцев от ионийцев. Они обладают менталитетом жителей гор, храбры, предприимчивы, серьезны и правдивы, с большой любовью к свободе и воинственной энергией. Им недостает высокоразвитого воображения индусов, но они обладают здравым смыслом и силой мышления, что делает их по существу практичными в своих религиозных системах. Персидские мифы оказали глубокое влияние на практическую религиозную историю человечества, в то время как индуистская вера лежит в основе всех связанных с ней вымыслов метафизической философии.

²⁶ Эта возможность ограничения эпохи индо-иранского движения историческими рамками, в связи с отдаленным доисторическим характером ранних европейских движений, является веским аргументом против бактрийской локализации древней Арии. Никого нельзя убедить в том, что арийская предприимчивость началась с тяжелых и далеких миграций, и что они покинули плодородные долины Индии, до которых было легко добраться, ради своего последнего поля деятельности. Такое изменение естественного порядка вещей немыслимо, и вполне вероятно, что вторжение в Индию было заключительным этапом длительного миграционного движения на восток.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.